Джеймс Грейди

Тень Кондора

Часть сборника

Шесть дней Кондора. Тень Кондора. Последние дни Кондора (сборник)

Кондор

Джеймс Грейди

Тень Кондора

«АСТ»
1975

Грейди Д.

Тень Кондора / Д. Грейди — «АСТ», 1975 — (Кондор)

Прошли годы. Кондор, оставивший оперативную службу и работающий теперь в книжном архиве, однажды замечает, что за ним кто-то следит… А на следующий день в доме Кондора происходит жестокое убийство, и обвиняют во всем его. Как когда-то в молодости, ему снова приходится пускаться в бега… Он обязательно должен найти настоящего убийцу – ведь от этого зависит не только его свобода и доброе имя, но и жизнь.

© Грейди Д., 1975
© АСТ, 1975

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 20
Глава 3 30
Глава 4 40
Конец ознакомительного фрагмента. 46

Джеймс Грейди
Тень Кондора

James Grady
SHADOW OF THE CONDOR

Печатается с разрешения автора и литературных агентств InkWell Management LLC и Synopsis.

© James Grady, 1974, 1975, 2015
© Перевод. Н. К. Кудряшев, 2014
© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Сенатору Ли Меткалфу, с искренней признательностью, а также надеждой на то, что ему нравится этот жанр и он найдет эту книгу забавной

Глава 1

Итак, в перерывах между шахматами, котятами и уроками, между зеркалом и апельсинами новая «Алиса» обретала хорошо всем известную теперь форму. Шахматные задачи были проработаны в сюжете довольно точно, однако фабула и ходы фигур настолько сплетены и перетекают друг в друга, что Тот, Кто Не Умеет Играть в Шахматы, даже не поймет, что его лишили большей части удовольствия.

Элеонора Грэм, предисловие к «Алисе в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла

Когда до круга света оставалось не больше пятидесяти ярдов, он споткнулся об остатки изгороди: его тяжелый башмак зацепился за нижний ряд колючей проволоки, которому каким-то образом удалось пережить двух своих верхних собратьев, устояв перед временем, погодой и шаставшими здесь туда-сюда дикими животными. Проклятая колючка словно нарочно ждала удобного момента, чтобы уцепить его. Он упал, покатился по земле и замер. *Вставай*, подумал он, *вставай, чтоб тебя*. К поту, заливавшему его лицо, добавилась новая жидкость, и на ощупь она оказалась более липкой. Впрочем, царапины его не волновали. Так он, во всяком случае, себя убеждал; то же самое относилось к ушибам. Шатаясь, он поднялся на ноги и медленно, но верно захромал по прерии дальше. *Забудь свое чертово тело, плевать, что оно болит, – беги!*

Как холодно, думал он, *как чертовски холодно, даже для весны. Земля почти заледенела. Если бы я не бежал, я бы замерз без куртки. Хотя, если бы я не бежал, мне не нужна была бы куртка. Беги!*

Добежав до границы светлого круга, он прыгнул. После всего пережитого он и не надеялся на то, что удастся прыгнуть так высоко, как раньше. *Офигеть*, подумал он, когда его тело врезалось в ограду из проволочной сетки, *просто офигеть*. Стальных шипов, впивавшихся ему в ладони, он не замечал. Он вообще не ощущал ничего, кроме надежды.

Он медленно подтянулся и сжался в тугой клубок. Рукам было непросто удержать тело на расстоянии от колючей проволоки, но он решил, что они справятся, и те справились. Помнится, на зачетном занятии, когда он был полон сил и ему не грозило ничего страшнее плохой отметки, он одолевал такую изгородь за девять секунд. По части преодоления препятствий он считался самым сильным в их группе. В эту ночь у него ушло не меньше двадцати секунд только на то, чтобы накопить силы для рывка, который позволил бы его рукам зацепиться за верхнюю перекладину. И хватило этого рывка только на то, чтобы схватиться за третий ряд колючей проволоки. Но все же ему удалось удержаться – несмотря на шипы, несмотря на скользкие от крови руки. Еще рывок – и он перебросил тело через верх изгороди и рухнул с высоты десяти футов на землю, приземлившись с изяществом старого бельевого мешка. Когда-то инструктор по физподготовке заставлял его снова и снова оттачивать приземление как в парашютном спорте: ноги вместе, чуть согнуты, касание носками – и перекатываться, перекатываться! Однако его инструкторы сейчас спали в уюте и безопасности, и от него их отделяло множество колючих изгородей.

Он не знал, как долго пролежал так. Кажется, прошло около пяти минут. На самом же деле – меньше одной, просто он утратил чувство времени. Осталось только два состояния: бег и то, что после бега. Сейчас было то, что после бега. Он пополз дальше.

Он приближался к центру ярко освещенного круга. Прожектора слепили глаза, в какую бы сторону он ни смотрел. Однако, прищурившись, он смог разглядеть четыре стальные туши, по одной на каждую сторону света. Он подполз к еще одному металлическому кол-

паку, торчавшему из земли в четырех футах от бетонной плиты, которая, в свою очередь, размещалась почти в центре ярко освещенного круга.

Тридцать секунд у него ушло на то, чтобы подняться на ноги у вентиляционной шахты, и еще тридцать секунд на то, чтобы восстановить равновесие после этого. Потом он начал медленно колотить окровавленными руками по прохладной алюминиевой обшивке шахты.

Пуля ударила в него, когда его рука коснулась алюминиевой поверхности в пятый раз. Она угодила ему прямо в грудь, разорвала аорту и разворотила несколько ребер, прежде чем вырваться из спины и унестись куда-то в темноту. Он умер прежде, чем его тело упало на вентиляционный колпак и соскользнуло с него на бетонную плиту. Звук выстрела долетел до освещенного круга еще на долю секунды позже.

В четверти мили от этого места снайпер опустил свою винтовку. Он осторожно передернул затвор, поймал рукой вылетевшую гильзу и сунул ее в карман. Его спутник облокотился на капот пикапа, подстраивая резкость бинокля.

– Готов? – спросил снайпер. В голосе его не слышалось никаких эмоций, кроме гордости – спокойной, уверенной гордости. Он знал, что мог и не задавать этого вопроса.

Его спутник, однако, не разделял этой уверенности.

– Возможно, возможно. Он не шевелится. Давай-ка еще раз, быстро.

На скрывавшемся в тени лице снайпера обозначилось некоторое удивление. Впрочем, его он позволил себе сам; происходи все на свету, лицо его оставалось бы бесстрастным.

Движения снайпера казались замедленными, но на все ушло не более пяти секунд: он вскинул винтовку, облокотился на пикап, прицелился и выпустил в тело, лежавшее в световом круге, еще одну пулю. Тело дернулось – не от боли, а от удара – и снова застыло.

– Отлично, – кивнул человек с биноклем. – Поехали.

– Может, стоит обыскать его? Ну, вдруг он нес какие-нибудь бумаги или еще чего!

– Нет, – ответил второй по-русски, залезая в кабину пикапа. – Некогда. Здесь скоро появится охрана, и тогда нас точно накроют. Возможно, он и забрал что-то важное, но на это придется махнуть рукой. Надо ехать, и быстро. И не включай фары.

Только через шесть минут после того, как пикап уехал, показались вертолеты. Они шли на бреющем полете, заходя с юга, без огней, если не считать неяркого свечения приборных панелей, бесшумно, если не брать в расчет рокот рубивших воздух лопастей. Несколько минут они описывали круги в темноте, шаря по земле локаторами и инфракрасными сенсорами. Потом один из вертолетов снизился над освещенной площадкой и высадил шестерых мужчин в синей форме, вооруженных М-16. Затем вертолет взмыл обратно в темноту и встал в круг за своим спутником, постепенно расширяя радиус вокруг площадки.

Двое в синей форме проверили вентиляционную шахту на предмет повреждений или заложенной взрывчатки. Еще один прикрывал их, держа автомат наготове. Остальные трое осмотрели труп. Старший осторожно обследовал карманы, потом так же осторожно ощупал еще не остывшее тело. Руки его застыли на мгновение, наткнувшись на небольшой бугорок на внутренней стороне правого бедра. Он аккуратно спустил брюки убитого, стараясь не двигать тело и не запачкаться кровью. К ноге убитого был примотан скотчем маленький, размером с записную книжку, бумажник. Старший открыл его, наскоро просмотрел в свете прожекторов листки бумаги и протянул руку за рацией, которую держал наготове его помощник.

Спустя два часа первая пара вертолетов улетела. Прожекторы отключили. До рассвета оставались считаные минуты. Предрассветные сумерки и так высветлили почти все, кроме самых глубоких теней. Все пространство внутри изгороди с колючей проволокой оставалось заполнено людьми в синей форме. На дороге, подходившей к огороженному участку, стояло несколько синих машин. Тело лежало там, где его обнаружили. Все необходимые фото уже отсняли, замеры сделали, информацию запросили. Люди, охранявшие территорию, уже начали скучать, хотя убийство и добавило разнообразия в их рутинную службу. Собственно,

из радостей жизни им оставалось сейчас только наслаждение ароматом диких весенних цветов и свежевспаханной земли. Большинство, впрочем, предпочли бы лучше поспать у себя в казарме.

Внимание остававшихся на площадке привлек шум лопастей тяжелого транспортного вертолета. Тот прилетел все с той же южной стороны, снизился и завис над телом. Из отодвинутого люка спустили на лебедке сетку, и вскоре она медленно поднялась с тем, что еще недавно было человеком. Когда машина скрылась из виду, старший офицер собрал всех и в кратких, доступных выражениях описал им то, что с ними произойдет, если они хотя бы вскользь упомянут где-нибудь об увиденном. Когда офицер закончил свою лекцию, все покинули участок. А когда живущий недалеко от этого места фермер вышел в поле, то даже не обратил внимания на огороженный клочок земли, поскольку выглядел он так же, как всегда.

Впрочем, фермер и так избегал смотреть в ту сторону.

Когда он прервался на утренний перекур, на базе военно-воздушных сил Мальмстрем в Грейт-Фолс, штат Монтана, приземлился сверхзвуковой истребитель. Вообще-то истребитель был двухместный, но управлять им мог и один пилот. Мужчина, выбравшийся с заднего пилотского места, не сумел бы пилотировать машину, даже если бы от этого зависела его жизнь. Несмотря на знаки различия ВВС, сам он пилотом никогда не был – только генералом военно-воздушных сил. Командир базы и начальник службы охраны встретили генерала на взлетной полосе. Втроем они проехались до ангара в дальнем углу базы. Обыкновенно этот ангар стоял с распахнутыми воротами, запущенный, необитаемый, если не считать редких тренировок Национальной гвардии. Но сегодня ангар оказался закрыт. У входа стояли двое вооруженных часовых. Еще четверо дежурили по углам постройки, и двое – внутри.

Генерал смерил застывших навытяжку часовых скептическим взглядом.

– Не слишком ли поздно, вы не считаете? – холодно поинтересовался он у командира базы.

Тот побагровел, но ничего не ответил.

Генерал перевел взгляд на тело, вытянувшееся на столе. Генерал был крупным человеком – не то чтобы высоким (в наше время рост в шесть футов скорее норма), но крупным. Широкоплечий, с широкой грудью, мускулистый, плотный. Впрочем, на животе уже появился слой жирка, а седые волосы, совсем недавно только проглядывавшие кое-где в черной шевелюре, занимали теперь в ней доминирующее положение. Вот только голос с годами мягче не сделался.

– Будь ты проклят, Паркинс, – прошептал он. – Будь ты проклят!

Начальник службы охраны решил, что ему это послышалось. Он не хотел показывать, будто пропустил что-то из сказанного генералом, но еще меньше хотел, чтобы его упрекнули в невнимательности. Поэтому он шагнул ближе к столу, у которого стоял генерал, и осторожно кашлянул.

– Прошу прощения, сэр?

– Я сказал, будь оно все проклято! – рявкнул генерал, повернувшись к младшему чину. – Будь оно проклято ко всем чертям! У этого говнюка не хватило совести дожить хотя бы до того, чтобы доложиться, или хотя бы не позволить себя ухлопать в этом богом проклятом чертовом необъяснимом месте! Сукин сын!

Не выдержав его гнева, майор сделал попытку незаметно раствориться; генерал, впрочем, уже не обращал на него никакого внимания. Он повернулся к неподвижно вытянувшемуся на столе телу.

– Будь ты проклят, Паркинс, ты хоть понимаешь, какую свинью мне подложил?! – Генерал тряхнул головой, развернулся и устремился к выходу. Начальник службы охраны и командир базы опасливо потянулись за ним.

Не доходя до двери пару шагов, генерал остановился и обернулся к ним.

– Отправьте его первым же рейсом в Вашингтон. Сообщите моей конторе номер рейса и время прилета. Как только зам передаст мне, что мы все получили – и вам лучше постараться, чтобы мы получили абсолютно все, что у вас есть, – вы забудете о произошедшем. Я понятно сказал? Забудете сами и, черт вас подери, позаботитесь о том, чтобы все остальные тоже забыли. О любых расспросах на эту тему незамедлительно докладывать моему человеку, капитану Смиту. Он прибудет в течение суток. Определите его в вашу пресс-службу. Он будет там делать то, что захочет. Ясно?

Генерал вышел, не дожидаясь, пока ошарашенные офицеры отдадут ему честь. Он спешил на самолет.

Весна в Вашингтон приходит довольно рано. Цветущие деревья и клумбы украшают улицы благополучных кварталов города уже в конце марта. Аромат цветения пробивается даже свозь вонь выхлопных газов и испражнений четвероногих друзей человека, которых многие жители столицы держат ради удовольствия и безопасности.

Генерал не обращал внимания ни на радующие глаз краски, ни на менее радующие обоняние запахи. Пока его водитель медленно протискивался сквозь плотный транспортный поток в поисках места для парковки, он оставался погруженным в размышления. Оба сегодня надели штатское, да и сама машина была без опознавательных знаков. В любой другой день генерал попросил бы высадить его, а уже потом искать, где поставить машину, но сегодня даже радовался возможности потянуть время. Это давало повод отодвинуть очень неприятные распоряжения. Генерал начал даже получать удовольствие от вашингтонских пробок, когда от тротуара в квартале от них отъехала машина. Водитель поспешно, нарушая все правила, пересек несколько полос и приткнул автомобиль на освободившееся место. Его начальник криво улыбнулся.

– Отличная работа, сержант, – хмыкнул он. – Ждите меня здесь.

Генералу пришлось пройти пешком до места назначения пять кварталов. Несмотря на плохое предчувствие по поводу предстоящей встречи, шаг его оставался быстрым, уверенным. Он крепко сжимал в руках кейс, почти надеясь на то, что кто-нибудь попытается его выхватить. Незадачливый воришка послужил бы отличной мишенью для распиравшего его гнева. Однако десять часов утра – не самое рабочее время у тех, кто занимается отъемом денег и ценностей у прохожих в этой части Вашингтона. Генерал находился в буферном районе, отделявшем городской центр от злачного Джорджтауна. По утрам и вечерам местные карманники предпочитают орудовать в рейсовых автобусах.

Генерал направлялся к среднего размера зданию из красного кирпича, расположенному рядом с Вашингтон-сёркл и чуть дальше от Центра Кеннеди. Здесь хватало места, чтобы поставить машину, но генерал не запарковался бы в радиусе двух кварталов от места назначения ни при каких обстоятельствах… ну разве что в случае самой экстренной необходимости. Мимо дома он прошел, не повернув головы, хотя его подозрительный взгляд отмечал мельчайшие подробности окружения. Он даже попробовал запомнить улыбающуюся пожилую даму, едва не налетевшую на него во время утренней пробежки. Правда, извиняться за несостоявшееся столкновение никто не стал. Генерал вошел в высокое жилое здание на углу, спустился в цокольный этаж и постучался в дверь одной из квартир. Один из охранников, наблюдавших за его приближением с помощью видеомониторов, нажал на кнопку, замок зажужжал, дверь отворилась, и генерал вошел в третий по дороговизне частный туннель американской столицы.

Средства, выделенные на сооружение этого туннеля, похоронены в недрах бюджета корпуса морской пехоты за 1965 год. В связанных с Вьетнамской войной потоках финансирования военных программ проделать такой фокус было очень легко. Туннель представлял собой длинный, неярко освещенный коридор, трижды сворачивавший под прямым углом.

Туннель соединял все здания этого квартала, принадлежавшие, как ни странно, одному и тому же владельцу – ЦРУ, точнее, действовавшим под его руководством компаниям по управлению недвижимостью. Собственно, эти компании и числятся официальными домовладельцами. Некоторые из зданий не используются правительственными организациями, но все их жильцы проверены и перепроверены на предмет благонадежности. И уж в подвальные помещения, откуда осуществляется доступ в секретный туннель, никто без специального допуска не попадает.

Спустя две минуты после того, как генерал вошел в туннель, он вышел из него в подвал дома из красного кирпича. Улыбчивый охранник отсалютовал ему и почтительно, но тщательно обыскал и его самого, и кейс на предмет спрятанного оружия. Генерал беспрекословно отдал свой табельный пистолет. Ему пришлось подождать несколько минут в маленькой, со вкусом обставленной приемной – «пока мы не получим подтверждения назначенной вам встречи, сэр». Генерал не сомневался в том, что ждать его заставили специально, возможно, в качестве наказания за опоздание… ну или для того, чтобы помнил свое место. Он надеялся только, что других средств пришпилить его у них не найдется. Генерал покосился по сторонам, выглядывая скрытые микрофоны – в том, что они есть, он не сомневался, – но не обнаружил ни одного. Сквозь звуконепроницаемые перегородки до него не доносилось ни звука. Он не знал о звукоизоляции, но слушать и впрямь было почти нечего. По большей части весь шум в доме издавали две секретарши с пишущими машинками и приемник, настроенный на волну старого, 50–60-х годов рок-н-ролла, да и эти звуки успешно гасились.

– Прошу прощения за то, что вам пришлось подождать, – негромко произнес высокий, безукоризненно одетый мужчина. – Он освободился. Будьте добры, проходите.

Следом за высоким мужчиной генерал поднялся по лестнице на второй этаж, испытывая сильный соблазн врезать своему безукоризненно одетому спутнику по печени. Ступая по мягкому ковру, они миновали несколько закрытых дверей и наконец остановились перед еще одной – резной, двустворчатой. Высокий мужчина негромко постучал, дождался ответа и проводил генерала в кабинет.

Добродушного вида пожилой джентльмен поднялся со своего места и обошел стол, чтобы поприветствовать генерала. Пожилой джентльмен производил впечатление довольно прыткого. Случайным прохожим он наверняка представлялся добрым, славным дядюшкой, которого у них никогда не было. Он протянул генералу руку; глаза его искрились.

– А, генерал, – радушно произнес он. – Как дела, старина? Выглядите отлично. Пошли, присядем – в ногах правды нет.

Пожимая руку пожилому джентльмену, генерал расплылся в улыбке. Ему ужасно хотелось расплющить тонкие пальцы своей лапищей, но он сдержался, ограничившись легким пожатием.

– Спасибо, Филипп, хорошо. Вы тоже отлично выглядите, не старше тех щенят, что бегают с вашими поручениями.

– Вы очень добры, генерал, – хмыкнул пожилой джентльмен. – Ну очень добры.

Высокий мужчина отошел к столику у дальней стены и вернулся с подносом, на котором стояли две чашки и кофейник. Пока генерал и пожилой джентльмен обменивались приветливыми улыбками, секретарь разлил кофе по чашкам, насыпал в чашку пожилому джентльмену чайную ложку сахара (без горки!) и, удостоверившись в том, что все сделано как надо, вышел и закрыл за собой дверь.

– Как поживает ваше семейство? – поинтересовался пожилой джентльмен, поднося чашку к губам.

– Примерно так, как всегда, хорошо. А ваше? – Генерал сделал глоток кофе. Горячая жидкость обожгла губы, но он не подал виду.

– Спасибо, хорошо. Жена только что из гриппа вылезла.

– Правда? Ужас какой. – Все это уже было известно генералу из ежедневных сводок ФБР, которые он получал. Правда, он не знал, что пожилой джентльмен в курсе, что ему это известно.

– Ага, – согласился пожилой джентльмен. – Жуткая штука этот грипп. Только и делала, что сморкалась и блевала.

Выразительность описания слегка встревожила генерала. Подобные выражения были пожилому джентльмену обычно не свойственны. И не послышалось ли в его голосе раздражения?

– Ох, – сокрушенно пробормотал генерал, поскольку старательно заготовленные им версии реплик в подобную линию диалога никак не вписывались.

– Действительно, ужасно. Что ж, по крайней мере, это теперь позади.

– Надеюсь, что так. Я имел в виду, что все позади.

– Ага.

Еще почти три минуты они сидели молча, не спеша потягивая кофе. На лбу у генерала выступил пот: и от горячего пара, поднимавшегося от чашки, и от напряжения. Генерал заглянул в чашку и нахмурился. Он не ожидал, что кофе закончится так скоро. Пожилой джентльмен так ни о чем его до сих пор и не спросил. Генерал очень осторожно поднял взгляд и сглотнул застрявший в горле комок.

– Полагаю, – начал он, – вам интересно, зачем я здесь?

Неважное начало, подумал генерал. Совсем никудышное. Но посокрушаться по поводу ошибки он не успел, поскольку пожилой джентльмен ответил:

– А знаете, подобный вопрос тоже приходил мне в голову.

Ну же, думал генерал. Валяй! Живее!

– Ну так, сущий пустяк на самом деле… Одна мелочь… я надеялся, вы, возможно, могли бы мне с ней помочь. Ничего такого, что мне хотелось бы официально проводить через Комитет начальников штабов… или тратить время других комитетов. Впрочем, в своем роде это довольно серьезно, вот я и подумал о вас… ну, вы ведь руководите отделом «С» и все такое…

Пожилой джентльмен чуть заметно кивнул. Генерал перевел дух. Ничего, подумал он, этот старый ублюдок ничего тебе не скажет.

– Ну, – продолжал генерал, набираясь духу, чтобы ринуться в омут, – мне не хотелось бы грузить вас деталями – если вас эта история заинтересует, вы найдете их здесь. – Он щелкнул застежками кейса и достал из него тоненькую папку. К счастью, его команда закончила печатать рапорт меньше чем за пять минут до его отъезда сюда. – Позвольте мне изложить все вкратце. Как вам, конечно, известно, мой отдел разведки Военно-воздушных сил старается светиться как можно меньше. Мой шеф чаще всего предпочитает не лезть в мои дела, оставляя все на мое усмотрение. В разумных пределах, само собой. Около двух недель назад – двенадцатого числа, если точнее – один из моих лучших европейских агентов, капитан Дональд Паркинс, передал через связного, что намерен проверить кое-какую информацию о пусковых шахтах наших «Минитменов», которую подслушал в каком-то баре. К сожалению, содержания этой информации он не передал – только то, что это имеет отношение к стартовым позициям. Паркинс не сообщил также, где он это услышал и от кого. Поскольку в описываемое время он работал в Лондоне, мы исходим из того, что информация попала к нему где-то в тех краях. Тринадцатого числа руководитель секции, в которой работал Паркинс, предпринял попытку связаться с ним. Безуспешно. Руководитель решил, что Паркинс выехал из Лондона для расследования и скоро с ним свяжется. Еще через три дня руководитель разволновался, объявил Паркинса пропавшим, обыскал его лондонскую квартиру и послал депешу нам, в Вашингтон. Меня это серьезно расстроило. С тех пор мы ничего о Паркинсе не слышали. Затем, вчера рано утром… или, точнее, поздно вечером накануне

мы все-таки о нем услышали. Прошу прощения, прежде чем я продолжу, можно мне еще немного кофе? И будьте добры, скажите, что вам известно о нашей системе «Минитмен»?

Пожилой джентльмен кивнул в сторону кофейника и вздохнул.

– Ну, общее представление, кажется, у меня есть. Довольно, чтобы поддержать разговор на данную тему. А почему вас это интересует?

Генерал не ожидал, что разговор будет развиваться так стремительно. Вздрогнув, он едва не расплескал кофе и поспешно поставил кофейник на место. Старый сукин сын.

– Гм… – Он лучезарно улыбнулся. – В принципе все устроено примерно так: ракеты рассредоточены по территории Монтаны, Северной и Южной Дакоты… и еще в нескольких секретных точках. Они содержатся в подземных шахтах. Также под землей расположены командные пункты. Каждая группировка прикрывается крупной наземной авиабазой. Каждая шахта окружена сетчатой оградой, по верху которой пропущена колючая проволока. Все важные системы расположены под землей, за наглухо задраенными бетонными створками. Чтобы открыть такую створку после того, как ракета запущена, требуется взрывчатка. На поверхность выходят только несколько вентиляционных шахт, столбы с камерами наружного наблюдения и мачты освещения. В общем, внутри этой изгороди почти ничего нет. В ночное время огороженная территория освещается прожекторами. Окрестные фермеры жалуются, что им неуютно ездить ночью мимо этих ярко освещенных клочков земли. Что ж, приходится терпеть.

Охраняются эти шахты строго. То есть по-настоящему строго. Помимо видеонаблюдения, там полно сейсмических датчиков, передающих на пункт охраны информацию о любом движении внутри ограды. Наши ребята настолько натренированы, что запросто отличат койота от человека – им пришлось здорово помучиться, но теперь они это делают не задумываясь. Пара пустяков. Плюс внеплановые выборочные проверки шахт мобильными патрулями, дежурящие в пятиминутной готовности к вылету вертолеты и хорошо вооруженные группы на расстоянии не более двадцати пяти минут полета от любой шахты. Ну, а на то время, пока они будут добираться, у нас есть еще пара-тройка штучек, чтобы нарушителю не было скучно. Теперь представляете?

– Да, – кивнул пожилой джентльмен. – Хотя не уверен, что мне понятно, как это все связано с вашим пропавшим агентом.

Генерал слегка покраснел.

– Мне тоже, – признался он. – Только чуть больше тридцати часов назад он обнаружился прямо на крышке пусковой шахты на севере Монтаны. Мертвый.

Пожилой джентльмен приподнял брови, но промолчал.

– О его местонахождении мы узнали, когда он перебирался через ограду. Это привело в действие сигнализацию, которая подняла тревогу на базе ВВС Мальмстрем в Грейт-Фолс, единственном мало-мальски крупном городе в районе стартовых позиций. По счастливому стечению обстоятельств два вертолета с вооруженной охраной находились в воздухе неподалеку от площадки – сама-то база ВВС расположена в девяноста милях от этого места. Пока вертолеты шли туда, охрана наблюдала за нашим парнем с помощью камер слежения. Они решили, что он пьян… или что это какой-то студент так неудачно шутит. Он начал колотить по одному из вентиляционных дефлекторов, потом упал. Качество изображения с камер неважное, поэтому охранники не разглядели, в чем дело. Ближайших окрестностей камеры тоже не показывают. Они смотрели на то, как он лежит, до самого прибытия вертолетов.

Кто-то его застрелил. Две пули, возможно из охотничьего карабина. Вертолеты прочесали все в радиусе десяти миль, но никого не обнаружили. Ничего необычного – ни огней ферм там, где им не положено быть, ни машин. Старший группы обыскал труп на месте – очень кстати, иначе в дело могли бы затесаться и местные власти. Паспорт Паркинса оказался примотан скотчем к внутренней стороне бедра – так чтобы его не обнаружили при

поверхностном осмотре. Старший сообщил имя – не настоящее, конечно, – и номер паспорта в Мальмстрем, а тамошний спецотдел передал его в Пентагон, ФБР и госсекретариат для компьютерной проверки. Все паспорта, которые мы выдаем нашим людям – настоящие или поддельные, – имеют закодированный номер, так что, когда по ним производится проверка, об этом немедленно оповещается наше руководство, причем без ведома производящих проверку. Наш дежурный мгновенно выяснил, кто запрашивает и по какому поводу. Он связался с начальником охраны Мальмстрема и дал команду все засекретить вплоть до дальнейших распоряжений. Спустя несколько минут об этом известили меня, и я сам туда полетел. По моему распоряжению охрана зачистила площадку прежде, чем ее увидел кто-либо из местных. Кроме паспорта на теле Паркинса не оказалось ничего, что могло бы нам помочь. Немного денег – канадских, британских и американских, расческа, носовой платок и обычная ерунда, которую взрослый человек носит в карманах. Одежда – повседневная, для выхода в город. По общему состоянию тела мы заключили, что перед смертью Паркинс испытывал большие физические нагрузки: потеки пота, взмокшая одежда и прочее. Царапины и ссадины позволили нам сделать вывод, что он бежал.

– Вы не пробовали проследить, откуда?

– Пробовали. Все, что нам удалось выяснить, – это что через ограду он перебрался с северной стороны. Проклятие, у меня в штате нет никого вроде Кита Карсона. И полномасштабные поиски мы вести тоже не могли, чтобы местные чего не заподозрили. Вот уж было бы некстати.

Пожилой джентльмен улыбнулся:

– Что ж, это и впрямь любопытно. Даже очень. И чего же вы от меня хотите, дружище?

Вот сукин сын, подумал генерал, *хочешь, чтобы я тебя упрашивал.*

– Ну, вы же видите, как тут все запутано. И потом, один из моих людей погиб. Чертовски хороший притом, из лучших. Я его как сына любил. Тошнит при мысли о том, что его убийца разгуливает где-то на свободе. Хотя, конечно же, мы должны подходить к этому делу чисто профессионально. Дело, видите ли, в том, что все это не совсем подпадает под мою юрисдикцию. То есть, конечно, это был мой парень. Но убит он в зоне ответственности службы безопасности ВВС. Им не хочется копать глубоко, и я не могу их в этом особенно винить: их эта история тоже не слишком касается. Никому не хочется оказаться вовлеченным в военную операцию на территории страны. Армия и так еще не оправилась от обвинений в слежке за гражданскими. Если нас еще раз застанут со спущенными штанами, для авиации это станет плохой рекламой. Чертовски плохой. И еще у нас неважно с ресурсами. Нам нужна помощь… даже при том, что, уверен, все здесь не так сложно и поддается объяснению. Просто эта история затрагивает слишком много интересов. Вот я и подумал, что отдел «С» как раз мог бы за это взяться. Только не считаю, что это требовало решения Совета национальной безопасности или Комитета сорока. Поэтому я просто пришел к вам, а вы и ваши ребята могли бы поработать в контакте с нами. Ну, то есть, может, вы и проконсультируетесь с Комитетом и будете действовать с их одобрения. Само собой, я оказал бы всю возможную поддержку.

Кофе совсем остыл, но позволял генералу сделать паузу – хоть какое-то занятие, только бы не встречаться с ехидным взглядом пожилого джентльмена.

Довольно долго оба молчали. Пожилой джентльмен смотрел на генерала. Генерал не смотрел ни на что конкретное, прихлебывая отвратительно холодный кофе и надеясь на то, что чашки хватит как можно дольше, что его замешательство не слишком заметно и что пожилой джентльмен скажет что-нибудь умное… или по крайней мере не скажет ничего слишком уж неправильного.

– Что ж, – произнес наконец пожилой джентльмен. – Что ж, у вас проблема.

Генерал поморщился, но промолчал.

– Пока я никак не уловлю, что здесь и к чему, – продолжал пожилой джентльмен. – Хорошенькая головоломка. Я даже не знаю, что сделать и можно ли здесь что-то сделать. Разумеется, у Комитета начальников штабов и Комитета сорока найдется что сказать на этот счет – тем более вы сами знаете, я выступаю только в роли их представителя.

Генерал кивнул и внутренне приготовился провалиться в ад.

– Но я скажу, чем займусь сам, – жизнерадостно сообщил пожилой джентльмен. – Я посмотрю эту вашу папку, может, выясню еще пару вопросов у вашей конторы. Гляну, не надумается ли чего. Если надумается, поделюсь своими мыслями с Комитетом – неофициально, конечно, а потом свяжусь с вами. Идет?

Генерал так и не решил, хорошо ли это, но облегчение испытал изрядное. Подвергнув его всем этим мучениям, пожилой джентльмен, по крайней мере, бросал ему кость.

– Спасибо, Филипп. Спасибо огромное. Я знал, что на вас можно рассчитывать.

Пожилой джентльмен поднялся и проводил генерала до двери. Шагал он на удивление легко для своего возраста, и голос его звучал все так же беззаботно.

– Да, передайте от меня поклон жене. Она у вас замечательная женщина, право же, замечательная.

– Спасибо, разумеется, – отвечал генерал. – Нам обязательно надо собраться семьями – без всех этих помех с работой.

– Как вы правы, – улыбнулся пожилой джентльмен, открывая дверь. – Обязательно надо. Заходите, генерал, если что. И не переживайте, я с вами свяжусь по этому делу.

Генерал покидал дом значительно охотнее, чем шел в него. Он убедил себя в том, что все улажено; это далось ему без особого труда, поскольку из всех возможных интерпретаций он всегда выбирал самую для себя удобную. Он свалил все на пожилого джентльмена, избавившись при этом от проблемы, – *что ж*, подумал он, *это удачно*. Не то чтобы эта проблема слишком уж затрагивала его лично, и вряд ли пожилой джентльмен – единственный, кто мог бы с ней справиться. Однако должен же старый ублюдок отблагодарить за ту помощь, что он ему оказывал, верно? *И пусть теперь его припекает*, думал генерал, *не все же мне беспокоиться…*

Все то время, что генерал шел к ожидавшей его машине, пожилой джентльмен в красном кирпичном доме улыбался. Когда генерал хлопнул дверью автомобиля, пожилой джентльмен начал негромко смеяться. Он смеялся довольно долго; автомобиль за это время отъехал от тротуара и направился в сторону Пентагона, где генерал намеревался позволить себе не напрягаться до конца рабочего дня. Пожилой джентльмен перестал смеяться только тогда, когда машина свернула на кольцевую автостраду и понеслась к Пентагону заметно быстрее.

Некоторое время пожилой джентльмен сидел молча, погрузившись в свои мысли. Потом раскрыл картонную папку, оставленную ему генералом. Спустя десять минут, перечитав ее дважды, он захлопнул ее, откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. На этот раз он думал почти полчаса. Распахнув наконец глаза, он достал блокнот, снова открыл папку и принялся писать. А еще через пять минут вызвал звонком секретаря.

Высокий мужчина бесшумно вошел в кабинет и почти бесшумно закрыл за собой дверь.

– Сэр? – негромко и почтительно произнес он.

– Пожалуй, мы обойдемся без дополнительных запросов насчет той ерунды, что случилась с ВВС, Карл, – произнес пожилой джентльмен. – Наш славный генерал дал мне все, что у них имеется. Кажется, там есть кое-что такое, к чему мы могли бы приложить руку. И ведь как удачно по времени совпало: Комитет сорока как раз собирается рассматривать наш бюджет, и кое-какая наша активность всегда приятна глазу Министерства финансов. Так что все одно к одному. Я тут составил список информации, которую нужно нарыть с миру по

нитке. Сначала из ФБР, ЦРУ, АНБ, потом у оперативных служб, Министерства финансов, юстиции и секретной службы. Скажи им, что это необходимо нам немедленно. Буду рад, если мы получим сведения от Бюро и Управления[1] к завтрашнему утру, а остальные – в течение дня. Мы разворачиваем операцию. В Штатах и в Европе. Возможно, для этого не потребуется много народа, но подкрепления на всякий случай стоит держать наготове. В основном задействуем людей из Конторы, хотя, сдается мне, в той части операции, что будет проходить внутри страны, захочет поучаствовать и Бюро. Кое-какие соображения я тут набросал. Свяжись-ка с техническим директоратом Управления, обрадуй их, что мы позаимствуем их людей, оборудование и фонды. Так вот, сегодня, как можно скорее, мне хотелось бы повидаться с доктором Лофтсом и Кевином Пауэллом из Управления. Пауэлл как раз вернулся из Турции и должен сейчас быть в Лэнгли. Где искать Лофтса, ты знаешь. Дел тебе – как раз до ленча хватит.

– Да, сэр, – мягко ответил Карл, с легкой улыбкой принимая из морщинистых рук пожилого джентльмена блокнот. Сам Карл блокнотами не пользовался – они были ему просто не нужны. Свою более чем достойную заработную плату Карл получал преимущественно за память, близкую к абсолютной. Ну и еще за то, что обладал замечательным умом и был практически лишен обычных эмоций, за исключением очень ограниченной, распространявшейся всего на нескольких человек преданности, некоторого самодовольства, едва заметной склонности к садизму, мстительности и заносчивого снобизма.

– Что-нибудь еще, сэр? – все так же тихо поинтересовался Карл.

– Да, – кивнул пожилой джентльмен. – Не мог бы ты принести еще немного кофе?

– Разумеется, сэр, – отозвался Карл, повернулся и вышел так же бесшумно, как вошел. Пожилой джентльмен откинулся на спинку кресла и снова рассмеялся.

Вторая мировая война породила в американской политике неслыханный ранее, но весьма значительный феномен, который, разрастаясь, сделался с тех пор важной составной частью политической сцены. Военный опыт и новые реалии, тоже в некоторой степени порожденные этой войной, послужили толчком к созданию американского разведывательного сообщества.

До Второй мировой войны самым близким к разведке или спецслужбе ведомством в Америке было ФБР. Спустя тридцать пять лет разведывательное сообщество состояло уже из десяти основных агентств с совокупным штатом около ста пятидесяти тысяч человек и ежегодным бюджетом более шести миллиардов долларов.

Наиболее известным и значимым членом этого сообщества является Центральное разведывательное управление – департамент, созданный в соответствии с Законом о национальной безопасности 1947 года, координирующим разведывательную деятельность Соединенных Штатов. Директор ЦРУ, само собой, руководит своим правлением, но является при этом еще и директором Центральной разведки, официальным руководителем всего разведывательного сообщества. Формально Центральная разведка контролирует деятельность разведывательного управления Министерства обороны, его подразделений, связанных с родами вооруженных сил, Агентства национальной безопасности, отдела внутренней безопасности ФБР, отдела разведки Совета по атомной энергетике, а также маленького отдела разведки Министерства финансов. В реальности же все входящие в него спецслужбы представляют собой независимые бюрократические структуры, отчаянно сопротивляющиеся любым попыткам контроля извне. Как говорил адмирал Руфус Тейлор, возглавлявший некогда военно-морскую разведку, а позже занимавший пост заместителя директора ЦРУ, американское разведывательное сообщество напоминает федерацию туземных племен.

[1] ФБР и ЦРУ. – *Примеч. авт.*

Схема же этого сообщества выглядела бы безумным лабиринтом линий связи и управления с разбросанными там и сям пятнами командных комитетов; официальному бюрократическому картографу эта картина, вероятно, представилась бы примером образцовой организации процесса принятия решений. Поскольку образцовая организация процесса принятия решений, как правило, существует лишь в мифологии, если в этой схеме и можно найти хоть что-нибудь разумное, то лишь по чистой случайности.

На одном лишь уровне подкомиссий функционируют пятнадцать межведомственных групп, имеющих целью координацию разведывательной деятельности и вопросов безопасности. Над этими подкомиссиями сидят восемь координирующих органов. Черные линии на нашей воображаемой схеме соединяют эти органы с различными членами разведывательного сообщества, пересекаются, змеятся, но рано или поздно приводят в одну точку: к президенту. Маленький квадратик в левом верхнем углу схемы обозначает Конгресс. Конгресс не связан черными линиями ни с чем. Законодательной власти на схеме места бы не нашлось.

Наиболее заметным и значимым из этих координирующих органов является Совет национальной безопасности, состав которого меняется с каждой новой президентской администрацией. В состав СНБ в обязательном порядке входят сам президент с вице-президентом, а также все основные члены правительства. СНБ считается ответственным за контроль над разведывательным сообществом и разработку его политики.

Однако, возможно, важнейшим органом американского разведывательного сообщества является Комитет сорока. Создан он согласно секретному распоряжению 54/12 на заре правления Эйзенхауэра. О существовании его не догадывался почти никто – вплоть до выхода фундаментального исследования Дэвида Уайза и Томаса Росса «Невидимое правительство». Во многом благодаря этому обнародованию Комитет пережил несколько реорганизаций и в разное время назывался «Группой 54/12», «Специальным комитетом» и «Комитетом 303».

Комитет сорока невелик. Состав его также меняется с каждым новым президентом, однако обязанности остаются более-менее неизменными. Именно в этот Комитет все агентства обращаются за одобрением своих планов и операций, и именно он на деле руководит деятельностью всей разведывательной братии. Собственно, его и создавали для того, чтобы хоть как-то контролировать разрастающееся, как грибница, сообщество. То, как он справляется с этой нелегкой задачей, во многом зависит от президента, поскольку именно он выбирает состав комитета и способы его функционирования.

При администрациях Кеннеди и Джонсона главную роль в Комитете сорока играл Макджордж Банди. Кроме него многое зависело от Маккона, Макнамары, Розуэлла Джилпатрика и Ю. Алексиса Джонсона. В правление Никсона и Форда наиболее значимой фигурой американской разведки был, несомненно, Генри Киссинджер, возглавлявший Комитет сорока. Вместе с ним работали директор ЦРУ Уильям Колби, госсекретарь Роберт С. Ингерсолл, замминистра обороны Уильям П. Клементс-младший и председатель Комитета начальников штабов генерал Джордж С. Браун.

В последний раз общественное внимание оказалось приковано к деятельности Комитета в 1973 году, когда стали известны подробности крупной операции ЦРУ, направленной против марксистского правительства Чили. Именно эта операция во многом привела к сентябрьскому перевороту, в результате которого был убит президент Альенде, а к власти пришла военная хунта. Однако главная цель Комитета сорока, состоящая именно в координации деятельности американских разведок, до сих пор остается не до конца понятой американским обществом.

Осуществление этой функции само по себе уже непростая задача. В значительной степени Комитет должен отталкиваться от деятельности других комитетов и самих разведывательных органов. Собственно, эта дилемма относится к разряду тех, с которыми сталкива-

ются все правительства: надзирающие вынуждены полагаться на тех, чью деятельность они призваны регулировать, ибо только от них они могут получить необходимую для этого регулирования информацию. Деятельность Комитета обыкновенно проявляется в визировании запросов, присылаемых ему теми, кого он контролирует. Во многом это сопоставимо с тем, как если бы фермеру пришлось полагаться в деле охраны своих кур на лису.

Впрочем, Комитет сорока может и инициировать политику самостоятельно. Правда, при этом ему приходится действовать в рамках системы, состоящей из ревниво охраняемых бюрократических империй. Даже в тех редких случаях, когда все члены сообщества работают вместе, раздробленность управления и полномочий остается серьезным препятствием. Например, если американский ученый, работая на НАСА, начинает шпионить в пользу русских, но делает это, пребывая во Франции, какое агентство должно заниматься его нейтрализацией? ФБР, поскольку начинал он свою противозаконную деятельность в зоне, подпадающей под его юрисдикцию, или ЦРУ – ведь продолжал-то он уже на чужой территории? В области, где бюрократический эгоизм доходит до открытой конфронтации, мешающей выполнению общей задачи, подобные вопросы приобретают первостепенное значение.

Вскоре после своего создания Комитет сорока попытался разобраться с этой проблемой. Комитет сформировал маленький отдел безопасности, о существовании которого не знал никто, кроме членов Комитета. Само существование этого отдела носило неофициальный характер. Ни в одном из официальных документов он не фигурировал. Его создатели надеялись, что это поможет ему избежать обычного обюрокрачивания. Их наследники из следующих составов Комитета до сих пор цепляются за эту надежду, хотя время и жизнь делают все, чтобы подорвать их оптимизм.

В обязанности специального отдела входит координация деятельности различных агентств, поэтому его руководитель принимает участие во всех мероприятиях, на которых присутствуют начальники этих агентств. Его руководитель уполномочен выступать в качестве арбитра при разрешении межведомственных противоречий, хотя его решения подлежат одобрению Комитетом сорока и директором центральной разведки. Помимо этого в обязанности специального отдела входит независимая оценка всей информации, поступающей в Комитет сорока от разведывательного сообщества. Но самое главное, специальному отделу предоставлены полномочия осуществлять «действия, которые могут оказаться необходимыми в чрезвычайных ситуациях, в рамках законодательства, регулирующего деятельность Комитета сорока».

С этой целью Комитет сорока выделил руководителю специального отдела некоторое, очень ограниченное число сотрудников, а также предоставил ему право привлекать сотрудников подконтрольных агентств.

Комитет осознает, что сам породил потенциальную проблему. Специальный отдел вполне может пойти по пути, обычному для всех правительственных организаций, разрастаться в размерах и полномочиях и таким образом превратиться в ту самую проблему, ради решения которой и создавался. При своих небольших размерах отдел обладает огромными возможностями и огромной властью. Даже маленькая его ошибка может привести к самым серьезным последствиям. Поэтому Комитет жестко контролирует тенденции к бюрократическому росту отдела, внимательно следит за всеми его действиями, сводя его оперативную работу к необходимому минимуму, а во главе ставит только самых выдающихся руководителей.

В первые месяцы правления администрации Никсона американское разведывательное сообщество подверглось реорганизации. В частности, подразделения ЦРУ получили новые наименования и слегка изменили свою структуру. В целом все осталось более-менее по-прежнему. Одним из изменений (которому, кстати, сильно сопротивлялся председатель Комитета сорока) стало то, что специальный отдел получил наконец собственное название:

«Отдел связи», часто сокращаемое до отдела «С» или просто «С». Председателю, имевшему довольно много бонусов со своего министерского поста, пришлось уступить меднолобому влиятельному помощнику президента, утверждавшему, что «я вас, ребята, и прищучить толком не могу, пока вы безымянные».

Даже после того, как помощник президента покинул свой пост, руководитель Отдела «С» не стал возвращать старые добрые времена анонимности. Полуофициальный статус отдела волновал его не слишком сильно, а попытка отмены названия могла привлечь к отделу ненужное внимание и явно не стоила таких усилий.

Пожилой джентльмен, которого навестил этим утром генерал Рот, как раз и возглавлял отдел «С».

Кевин Пауэлл устроился в том самом кресле, в котором четырьмя часами раньше сидел генерал. Генеральской паранойей Кевин не страдал. Наоборот, ему не терпелось повидаться с пожилым джентльменом. Кевин считал, что пожилой джентльмен ему нравится – ну, насколько может нравиться партнер по бизнесу. Чтобы нравиться по-настоящему, нужно, чтобы тебе доверяли, верили в то, что производимое тобой впечатление соответствует тому, чем ты являешься на самом деле, а не тому, что хочешь изобразить. Как Кевин ни пытался убедить себя в том, что добродушный пожилой джентльмен его друг, ему можно доверять и он в общем таков, каким кажется, голос рассудка советовал держаться настороже. Впрочем, пожилой джентльмен Кевину все равно нравился.

Вот Карла Кевин определенно не любил. И прекрасно понимал, что доверять ему сверх установленных пожилым джентльменом пределов было бы просто глупо. Во многом его антипатия к Карлу объяснялась вызывающей бесполостью последнего, однако эта бесполость на деле являлась проявлением других неприятных свойств, которым Кевин даже не мог подобрать определения. В общем, Кевин обрадовался, когда секретарь закрыл за собой дверь, оставив их с пожилым джентльменом наедине.

– Кевин, мальчик, как славно, что ты заглянул! – Пожилой джентльмен привстал и пожал ему руку.

– Рад встрече с вами, сэр.

– Присаживайся, мой мальчик, присаживайся.

Еще несколько минут они обменивались любезностями, и только после этого пожилой джентльмен позволил себе перейти к делу – и то не напрямую.

– А что у тебя, мой мальчик, в планах на ближайшее время?

Кевин улыбнулся. Пожилой джентльмен, несомненно, знал, что он только что завершил одно задание, а нового еще не получил. Однако Кевин не стал мешать ему строить разговор так, как хотелось.

– Да ничего особенного, сэр.

– Ты не против помочь мне с одним небольшим проектом?

Можно подумать, у меня есть выбор, мелькнуло в голове у Кевина, хотя работать на пожилого джентльмена всегда было интересно.

– Абсолютно не против, сэр, ни в коем случае. И что надо делать?

Пожилой джентльмен улыбнулся:

– Ты знаком с генералом Арнольдом Ротом?

– Нет, сэр, – признался Кевин. – Хотя имя, конечно, слышал.

– Генерал Арнольд Рот – огромная заноза в заднице Военно-воздушных сил, – объяснил пожилой джентльмен. – Как тебе известно, у ВВС мощная разведка. Возможно, самая многочисленная из всех наших. Однако большая часть ее усилий сосредоточена на аэро- и космической разведке и прочих технических штуках. На компьютерах и фотокамерах, я бы сказал. По сравнению, скажем, с ЦРУ настоящих оперативников у них в разы меньше. Соб-

ственно, они и не считают шпионаж в классическом понимании этого слова своим занятием. Так вот, примерно половина имеющихся у них оперативников подчиняется генералу Роту. У генерала имеется шурин – влиятельный конгрессмен. Генерал полагает, что руководит супер-пуперкомандой, и шурин-конгрессмен тоже в это верит. Поэтому, вместо того чтобы задевать чувства ценного голоса в Комитете по бюджетной политике, Военно-воздушные силы позволяют генералу Роту играть в короля шпионов – в разумных, конечно, пределах. Большинство подчиненных генерала – олухи, романтики, для которых идеалом разведчика является Мата Хари. Они шатаются по Европе и Центральной Азии, ошиваются в кабаках, мониторят собрания, выполняют кое-какие нехитрые задания, завязывают безобидные контакты. Управление старается не упускать их из виду, чтобы они не слишком уж увлекались своими играми. Генерал считает себя вторым Геленом, конгрессмену это нравится, бюджет утверждают, и все довольны и счастливы. Время от времени кто-нибудь из генеральских подчиненных вляпывается во что-нибудь такое, что ему не по зубам, да и не только ему, а всей команде любителей из ВВС. Обыкновенно в таком случае генеральское начальство просит вмешательства Управления, но иногда они не успевают, и тогда может завариться изрядная каша. В шестьдесят пятом один из генеральских парней погорел во Франции, когда пытался в одиночку уничтожить французскую компартию. Потребовалось четверть миллиона зеленых, чтобы его выкупить; к тому же эта дурацкая затея лишила нас многообещающей агентурной сети. Через три года другой генеральский умник попался в Иране на убийстве местного из-за какой-то девицы. Эту историю до сих пор до конца не расхлебали. Бывали и другие случаи, только не такие впечатляющие. Зато теперь они отчебучили кое-чего похлеще. Пару дней назад один из его лучших агентов – которого, кстати, твоя лавочка подумывала переманить к себе – обнаружился мертвым в Монтане, после того как две недели назад пропал в Европе. Этот агент, некто Дональд Паркинс, работал в Лондоне; оттуда он и послал свое последнее донесение, довольно странное. У нас нет ни малейшего представления о том, как и почему он закончил свою жизнь таким образом. Все известные нам подробности вот в этой папке. Можешь с ними ознакомиться, если захочешь поработать над этим делом.

– Мне не нужно много времени, чтобы обдумать ваше предложение, сэр. Оно мне интересно. Очень интересно.

– Я так и знал, что тебе понравится! – радостно воскликнул пожилой джентльмен. – Так и знал! Тут есть над чем поработать, и действовать надо как можно быстрее, пока вся эта история не сделалась совсем уж тухлой. Тебе придется изучить все это, прежде чем отправиться на волю, но прежде тебе предстоит одна очень важная поездка. В Цинциннати.

– В Цинциннати? Зачем?

Пожилой джентльмен ухмыльнулся и откинулся на спинку кресла. У него ушло довольно много времени на то, чтобы подобрать подходящую метафору – он любил позабавиться со словами. Складывать концепцию из словесных построений гораздо интереснее.

– Ты летишь в Цинциннати, мой мальчик, – ответил наконец он, хитро склонив голову набок, – ради особенного дела – ради птенчика, которого нам нужно превратить в охотничью птицу. Самое время нашему Кондору сняться со своего насеста.

Глава 2

Алисе наскучило сидеть с сестрой без дела на берегу реки; разок-другой она заглянула в книжку, которую читала сестра, но там не было ни картинок, ни разговоров.
«Что толку в книжке, – подумала Алиса, – если в ней нет ни языков, ни разговоров?»[2]

Рональд Малькольм вздохнул и сунул руку с веником под кровать. Веник достал примерно до половины глубины. Малькольм понимал, что подмести по-настоящему сможет, только отодвинув кровать от стены, но успокоил свою совесть мыслью о том, что сойдет и так. Луч света, пробившись сквозь шторы, высветил поднятые усилиями Малькольма пылинки. Они взлетали вверх с каждым взмахом веника, а потом воздушный поток уносил их в сторону, где они и оседали до следующей уборки. Малькольм вздохнул еще раз, глубже. К запаху домашней пыли добавился слабый аромат пыльцы – странной смеси мускуса и молотого перца. *Интересно*, подумал он, *появятся в этом году какие-нибудь действенные средства от аллергии или нет?*

Малькольм прислонил веник к стене и вернулся из спальни в гостиную. На столе стояла чашка недопитого кофе. Он плюхнулся на диван, закинул ноги в кроссовках на журнальный столик («убедительная имитация натурального дерева!») и в который раз за день огляделся по сторонам.

Для квартиры в современном многоквартирном комплексе гостиная отличалась довольно большими размерами. Даже диван и столик не занимали всей длины стены. Дверь на стене справа вела в маленькую прихожую. У стены слева стоял другой столик с музыкальным центром, пластинками и сломанным телевизором. Телевизор не продержался у него в доме и трех месяцев, чем освободил Малькольма от необходимости омрачать жизнь пошлятиной. Стену напротив занимали книжные полки, по большей части заставленные книгами. Библиотека состояла из философских трактатов, нескольких учебников по основам психологии, нескольких томов по истории, целой полки биографических изданий, двух полок классики и почти не читанного пособия по бухгалтерскому делу, которое ему не удалось вернуть в магазин, когда он после второго же занятия бросил курсы по ведению бизнеса. В самом центре висела на кнопках репродукция рисунка Пикассо. За ней на полке располагались «Мальтийский сокол» Дэшила Хэммета, книжка из серии Эда Макбейна про 87-й полицейский участок, «Умолкнувший оратор» Рекса Стаута и «Вино из одуванчиков» Рэя Брэдбери – все купленные по внезапному порыву в букинистической лавке. Чайник на маленькой кухоньке («в комплекте с барной стойкой») справа от Малькольма засвистел: вода вскипела. Из почти такой же маленькой, расположенной за стеной с книжными полками спальни, равно как и из ванной, не доносилось ни звука. Молчал даже обычно подтекающий душ.

Чайник надрывался почти целую минуту, пока Малькольм не спустил ноги с дивана и не поплелся с кофейной чашкой на кухню. Он выплеснул остывшую бурду в раковину и только после этого выключил горелку. Зачерпнув чайной ложкой растворимый кофе из банки, он просыпал несколько коричневых крупинок на липкую столешницу.

– Вот черт, – недовольно буркнул он, зачерпнул еще раз, встряхнул ложку для надежности, высыпал кофе в чашку и налил в нее кипяток.

---

[2] «Приключения Алисы в Стране чудес». Л. Кэрролл. – Здесь и далее – отрывки из книг «Приключения Алисы в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье». – *Пер. Н. М. Демуровой.*

Возвращаясь на диван, Малькольм задержался у музыкального центра, сунул в автомат подачи несколько наугад взятых с полки сорокапяток и нажал на кнопку «пуск». Лапка звукоснимателя сорвалась с опоры с готовностью королевского гвардейца, стоящего по стойке «смирно», зависла над началом дорожки и медленно опустилась на диск. Послышался треск царапин, потом надрывно завела свою арию Кармен. Малькольм прослушал несколько тактов, бездумно тряхнул головой и нажал на кнопку «смена диска». Автомат повторил все заново, только на этот раз из динамиков послышались проверенные временем, знакомые с университетских времен звуки «Райтиоз Бразерз». Малькольм вернулся на диван.

Пятая уже чашка с утра, подумал он. *Угроблю к черту печень. А что*, возразил он себе, *можно подумать, у меня есть другое занятие?* Никаких больше уроков для того, чтобы их прогулять, никаких поручений, чтобы их отложить на потом, никаких совещаний, чтобы на них опоздать. Может, недолгое действие кофеина поможет принять решение, чем заняться сегодня: прогуляться в парке, покадрить кого-нибудь из юных, якобы невинных студенток, с бедрами еще слишком узкими, чтобы рожать… а может, совершить увлекательное путешествие в ближайший супермаркет? Решения, решения, решения… Малькольм улыбнулся и поднес чашку к губам.

Он покосился на репродукцию. Дон Кихот и Санчо Панса, рисунок тушью по белому листу. На заднем плане виднелась маленькая по сравнению с этими двумя фигурами мельница. Малькольм покачал головой. Несколько взмахов кисти – и персонажи ожили. И какие персонажи… Сложные даже для своего черно-белого мира.

Рисунок остался единственным вещественным напоминанием, которое Малькольм сохранил (ну, не считая одежды, нескольких книг, пластинок и пары деталей обстановки) о том недолгом времени, когда он числился агентом ЦРУ. Вообще-то настоящим агентом Малькольм никогда не был, хотя – как и у каждого из сотрудников Управления – у него имелась кодовая кличка: Кондор. Малькольм работал заурядным аналитиком, с девяти до семнадцати-ноль-ноль, с двухнедельным оплачиваемым отпуском. Аналитиком в девятой секции семнадцатого отдела разведывательного директората ЦРУ. Репродукция Пикассо висела тогда на стене его кабинета.

Вплоть до прошлого года девятая секция была почти всеми забытым отростком обширной аналитической системы ЦРУ, маленькой группой, занимавшейся обработкой «нефактической» информации – то есть копавшейся в шпионских боевиках и детективных романах в поисках идей, способных пригодиться Управлению. Секция занимала симпатичный, сиявший белоснежной штукатуркой особняк в Вашингтоне, федеральный округ Колумбия, прямо за зданием Библиотеки Конгресса, с невинной вывеской «Американское литературно-историческое общество». По большому счету, всем в Управлении не было дела ни до Общества, ни до лично Малькольма. Во всяком случае, до тех пор, пока их бухгалтер не наткнулся случайно на следы небольшой контрабандной операции, которую кучка сотрудников ЦРУ провернула, используя Общество в качестве прикрытия. Действуя из лучших побуждений, а также руководствуясь инстинктом самосохранения, бухгалтер совершил роковую ошибку: он доложил о своей находке в рапорте. Рапорт попал в руки тех самых контрабандистов, которые продолжали работать в американских спецслужбах. В один далеко не прекрасный день Малькольм вернулся с ленча на работу и обнаружил всех своих сослуживцев убитыми.

На протяжении шести дней Малькольм уходил от преследования, пытаясь остаться в живых. На протяжении шести дней убийцы и американские спецслужбы прочесывали Вашингтон в поисках Малькольма и девушки, которую он сумел уговорить помочь ему. На пятый день в девушку выстрелили. Уверенный в том, что она погибла, Малькольм отказался от плана, который придумали для него пожилой джентльмен и Кевин Пауэлл, и сам начал охотиться на своих преследователей. Он завершил операцию на шестой день: сдал

властям преданного своими подельниками вожака преступной группировки и хладнокровно застрелил главного агента-убийцу – в момент, когда тот был беспомощен. Теперь же Малькольм находился «в бессрочном отпуске с сохранением оклада и положенных льгот» – такую награду он получил за свое успешное выживание.

А в Сан-Франциско на специальную правительственную стипендию изучала юриспруденцию слегка прихрамывающая и жалующаяся на нерезкую фокусировку одного глаза девушка, которая рисковала жизнью ради Малькольма. На письма, телефонные звонки и вопросы, заданные через общих знакомых, она не отвечала.

Ну и ладно, думал Малькольм. Что уж тут поделаешь? Все позади, прошло, можно забыть и не вспоминать. Он больше не увидит ни Венди, ни Конторы, ни того улыбчивого старикана, ни молодого… как там его… Кевина Пауэлла. Никого из них. Он закончит аспирантуру, получит степень, найдет какой-нибудь славный и тихий колледж и похоронит себя в глуши. Никто об этом не узнает, никто не будет переживать, и это его вполне устраивает. Он сделал еще глоток кофе.

В дверь позвонили как раз тогда, когда «Райтиоз Бразерз» отыграли первые аккорды «Отлива». Малькольм нахмурился. Месяц начался уже давно; к тому же домовладелец знал, что деньги за квартиру он переводит всегда по почте. Для коммивояжеров, пытающихся втюхать свой товар на дому, время года тоже не самое подходящее. Вряд ли кто-то из знакомых по университету собрался бы к нему в гости, и Малькольм давно уже не надеялся на то, что какая-нибудь хорошенькая одинокая соседка постучится к нему в дверь с просьбой о сахаре. Он пожал плечами и отворил дверь.

– Привет, Кондор, – произнес Кевин Пауэлл. – Как дела?

Малькольм молча взглянул на опрятно одетого симпатичного мужчину средних лет, стоявшего перед ним. В голове у Малькольма вдруг воцарилась полнейшая пустота. Никаких картин перед глазами, никаких щемящих сердце воспоминаний. Довольно долго он так стоял, не произнося ни слова.

– Нет, – почти спокойно произнес он наконец и решительно закрыл дверь.

Стоило щелкнуть замку, как все вернулось – и картины, и воспоминания. Малькольм тяжело привалился к косяку и закрыл глаза. *Произошло наконец*, думал он, *они все-таки пришли*. Малькольм даже не очень понимал, что именно ощущает, но основным чувством определенно было облегчение. Ожидание в конце концов закончилось. Он несколько раз глубоко вдохнул-выдохнул и снова открыл дверь. Кевин никуда не делся – он стоял и улыбался.

– Я так понимаю, закрывать перед вами дверь не имеет смысла. Вряд ли вы уйдете. Так что давайте уж заходите. Сюда.

Кевин не ответил, но в гостиную прошел и огляделся по сторонам. Все в точности соответствовало фотографиям. Он сел в видавшее виды кресло у музыкального центра.

– Как вам жилось все это время, Малькольм?

– А вы не знаете?

Воинственность, подумал Кевин, *обиженная, агрессивная, чуть параноидальная – в точности как предсказал доктор Лофтс*. Кевин прекрасно понимал, что отвечать так же грубо бессмысленно.

– У вас найдется еще кофе?

– Наливайте, – проворчал Малькольм, плюхаясь на диван.

Кевин не стал цепляться к тону – он даже не слишком косился на долговязую фигуру в голубых джинсах и водолазке, – а просто прошел на кухню, нашел чистую чашку, поставил чайник на плиту, дождался, пока вода закипит, и сделал себе кофе. Затем осторожно, чтобы не плеснуть на пальцы кипятком, вернулся в гостиную и уселся в то же кресло. Оба молча смотрели друг на друга, пока музыкальный центр распинался о прелестях любви. Потом диск закончился и наступила тишина.

– Полагаю, вам интересно знать, зачем я здесь, – как бы невзначай предположил Кевин.

– У меня на этот вопрос тысяча и один ответ, но я просто скажу «да». Мне интересно, но хочу сразу предупредить, что я со всей этой лабудой закончил. Я в ваши игры больше не играю.

– Вас никто и не просит, – заметил Кевин.

– Вот и отлично. – Малькольм встал и заходил по комнате. – Раз так, нам особо и говорить не о чем, верно? Если только вы не пришли с новостями, которые могли бы меня заинтересовать.

Кевин проигнорировал намек.

– Развлекаетесь, Малькольм? Вам это… удобно? Спокойно? Приятно? Укрыться в Огайо и заняться диссертацией, на которую вам в общем-то наплевать. Вы этого хотели?

– А что? – огрызнулся Малькольм. – Боитесь, что деньги налогоплательщиков пропадают зря? Так не переживайте, мать вашу, я за все достаточно заплатил, и вам это прекрасно известно!

Отлично, подумал Кевин. *Чувство долга…*

– Это ваша жизнь, Малькольм, ваш собственный выбор, и вы это знаете. Старик согласился дать вам отпуск и жалованье на три года, ничего не требуя взамен. Он совершенно не обязан был этого делать. Он мог бы даже упечь вас в тюрьму за убийство – хоть через суд, хоть через Контору. Вы не выполняли приказов, с Мароником разделались сами, по собственной инициативе. Старик за одно это мог бы вас заживо похоронить, но, напротив, обошелся с вами более чем любезно.

– Премного благодарен, – язвительно буркнул Малькольм.

– Недостаточно благодарны, если откажете нам в небольшой помощи.

– Так я и знал! – вскинулся Малькольм. – Так и знал, что вы не просто так приперлись! Я вам для чего-то нужен, так?

Кевин пожал плечами:

– У нас есть одно дело, с которым вы могли бы нам немного помочь. Ничего особо серьезного.

Малькольм пересек комнату и остановился, нависнув над Кевином.

– И какое? Вам нужно, чтобы я еще кого-нибудь для вас ухлопал? Чтобы при этом еще кого-то застрелили? Забудьте, не буду я этого делать!

Кевин еще раз пожал плечами и встал, осторожно отстранив Малькольма.

– Отлично, никаких проблем. Нам в общем все равно, занимаетесь вы чем-нибудь полезным или ведете растительный образ жизни. – С этими словами он направился к двери.

– Что ж, именно этим я и собираюсь заняться. Осяду здесь… и не благодаря вам, заметьте. Так что если вы что-то хотели, можете об этом забыть.

Кевин медленно пошел к двери.

– Удачи. Чек по-прежнему будет приходить на ваше имя. Возникнут проблемы или вопросы – вы знаете, как с нами связаться. Я в городе до вечера, потом улетаю обратно в Вашингтон. Я в «Террейс-Хилтон», номер шестьсот шесть, до пяти вечера – если у вас вдруг изменится настроение и вы захотите поболтать. Я записан как мистер Роджерс. Заглядывайте, если хотите. Угощу вас выпивкой или пристойным кофе.

– Обойдусь без ваших любезностей, – проворчал Малькольм, открывая дверь. – Я сыт ими по горло. И не ждите, все равно я к вам не приду. Ни за что.

Выходя, Кевин улыбнулся:

– Не беспокойтесь, Малькольм, не буду ждать. Увидимся.

– Не приду я! – Малькольм отпрянул назад, в квартиру, и захлопнул дверь. Несколько минут он возбужденно ходил по комнате. Потом снова врубил «Райтиоз Браззерз» и добавил громкости. Все время, пока из динамиков грохотала «Душа и вдохновение», он метался по

комнате и только на «Однажды в моей жизни» плюхнулся на диван и застыл. Песня еще не закончилась, когда его начало трясти.

В пятнадцать двадцать четыре Кевин очередной раз посмотрел на часы. Что, если Малькольм не придет? Что, если расчет не оправдается? Он тряхнул головой и выглянул в окно. В пятнадцать двадцать шесть в дверь негромко постучали.

Даже находясь не на операции, действуя на совершенно законных основаниях, не ожидая ни малейшей угрозы, Кевин прижался к стене рядом с дверью, нащупывая рукой пистолет.

– Да? – откликнулся он.

– Это я.

Кевин, разумеется, узнал голос, но привык действовать наверняка.

– Кто – «я»?

– Малькольм… тьфу, Кондор.

Кевин улыбнулся сам себе, потом изобразил серьезное лицо и открыл дверь. Парень за дверью оставался в джинсах, но водолазку сменил на рубашку со свитером. Каштановые волосы Малькольма растрепались от ветра и упали на голубые глаза, смотревшие в точку на полу перед ботинками Кевина.

– Хотите поговорить? То есть… вы не против?

– Не против, Малькольм, – улыбнулся Кевин. – Совсем не против. Более того, с удовольствием поговорю. Заходите.

Малькольм шагнул в номер, и Кевин аккуратно прикрыл за ним дверь.

– Наш замечательный доктор утверждает, – говорил Кевину пожилой джентльмен накануне, – что Малькольму, то есть Кондору, просто некуда деться, кроме как прийти к нам. Ему придется прийти, придется работать с нами. Все просто запрограммировано на такой результат. У него нет другого выхода. Что бы им ни двигало: чувство вины за смерть людей, за то, что он живет на наши деньги, ожесточение, одиночество, чувство долга, скука, жажда острых ощущений или что угодно, результат будет один: он все сделает. Я верно сказал, доктор?

Доктор Лофтс посмотрел на Кевина. Массивный мужчина работал в ЦРУ ведущим психологом и специализировался на том, что в медицине называется прогнозированием поведения. Управление запрашивало у него исследования, касающиеся многих людей, и доктор Лофтс предсказывал, как кто-либо поведет себя в определенной ситуации. Доктор Лофтс и его команда заработали свою репутацию во время Карибского кризиса, когда Джон Кеннеди принял решение о блокаде Кубы, основываясь на результатах их оценки психологического портрета Никиты Хрущева. Доктор улыбнулся.

– Мне даже понравилось, как ловко вы обошлись без нашей медицинской тарабарщины. Да, я согласен: Малькольм готов с нами работать. Давайте посмотрим на признаки. Только-только переехав в Цинциннати, он регулярно посещал семинары, выполнял все учебные задания и все такое. Забросил свою привычку прятаться от жизни с помощью боевиков и прочей жесткой литературы – что было бы нормальной реакцией на участие в реальных событиях. Он даже пытался наладить отношения с другими аспирантами и преподавателями, хотя это продолжалось и недолго. Теперь же, год спустя, Малькольм редко посещает университет, судя по результатам наблюдения, снова читает книги своего любимого жанра, почти ни с кем не встречается. Его новый мир представляется ему скучным и лишенным смысла. Помножьте это на чувство вины, чувство долга, его обычную склонность к отчужденности – и в результате он наверняка решит нам помочь… если, подчеркиваю, мы не будем толкать его на что-то слишком серьезное или опасное. Запомните, это очень, очень важно. Я бы добавил еще, – продолжал доктор, – что у нашего приятеля весьма романтическая точка

зрения на то, что мы называем абсурдной судьбой. Он придет, поскольку понимает, что не может не прийти.

– Так в чем заключается план, сэр? – поинтересовался Кевин у пожилого человека. – Вы так и не сказали мне, что делать, не говоря уж о том, что делать Кондору.

Пожилой джентльмен улыбнулся:

– Это отчасти оттого, что я сам не знаю, как все провернуть. Твоя работа, мой мальчик, проста. Отследить перемещения Паркинса, выяснить, откуда он попал в Монтану и, если получится, зачем туда направился. Потом ты сам проделаешь этот же путь. Где-нибудь по дороге, надеюсь, ты натолкнешься на что-то или кого-то… А может, это что-то или кто-то сам на тебя натолкнется. И я желаю тебе удачи, потому что Паркинс, судя по всему, сумел хорошо замести следы. Все обычные поиски ничего не дали. И еще – будь очень осторожен, поскольку противник, кем бы он ни был, вряд ли захочет, чтобы ты его тревожил, как Паркинс. Задача Малькольма еще проще. Как тебе известно, я приберегал его до тех пор, пока он не созреет. Он обладает полезными способностями. Вот мне и показалось, что некоторые вложения с прицелом на будущее не помешают – на случай, если в один прекрасный день нам удастся вылепить из него нечто ценное. Теперь он созрел, а поскольку его участие в операции могло бы оправдать все финансовые хитрости, на которые пришлось пойти, дабы в него инвестировать, мы отправим Кондора прощупать почву в Монтане. С хорошей легендой – чтобы противник не догадался, кто он такой. Легенду ему дадим не слишком сложную, но и не очень простую, чтобы местные тоже ничего не заподозрили. Работать он будет официально на Бюро, но по контракту с нами. Если мои предположения верны, со стороны противника ему ничего не грозит. Вряд ли после убийства Паркинса они захотят поднимать шум. Малькольм-Кондор может привлечь к себе их внимание – а тогда тебе, мой мальчик, будет проще залезть к ним с черного хода.

– Но вы обеспечите Малькольму прикрытие? На случай, если все обернется серьезнее, чем мы думали?

– Ну… – замялся пожилой джентльмен. – С этим могут возникнуть сложности. Там места сельские. Мы не можем нагнать туда чужаков, потому что местным это покажется подозрительным, и тогда его легенде грош цена. Мы будем держать небольшую группу агентов Управления на базе ВВС в восьмидесяти милях от городка, где остановится Кондор, но, боюсь, никого ближе. Тебе нужно уложиться с поисками маршрута Паркинса в неделю… ну, в десять дней. После противник сосредоточит внимание на тебе, а ты за себя как-нибудь постоишь.

– Вы думаете, сэр, Малькольм справится? Даже если что-то пойдет не так?

Пожилой джентльмен снова улыбнулся:

– Ну, так или иначе, это будет интересно. Очень интересно.

Кевин поморгал, отгоняя от себя это воспоминание, и покосился на сидевшего с противоположной стороны прохода Малькольма. Тот кивал в такт каким-то своим мыслям. *Должно быть*, подумал Кевин, *сегодняшняя исповедь длиной в час изрядно его утомила*. Малькольм говорил шестьдесят минут: то медленно и задумчиво, то едва не срываясь. С бесстрастного анализа своих «долгов» он перескакивал на какие-то воспоминания и даже фантазии. В конце концов он посмотрел на Кевина в упор.

– Но ведь это все равно ничего не меняет, верно? – спросил он. – Я иду с вами, потому что так надо: мне нужно во всем разобраться, а единственный способ это сделать – пойти с вами.

– В чем вы хотите разобраться? – удивился Кевин.

– Сам не знаю, – признался Малькольм. – Правда, не знаю.

Когда самолет, на котором летели Кевин с Малькольмом, начал снижаться для посадки в Вашингтоне, на московских улицах показались первые пешеходы. Одним из тех, кто торопливо шагал по пустынным тротуарам, был Николай Рыжов, этакое воплощение медведеподобного русского крестьянина. Крестьянское происхождение проявлялось и в его походке вразвалочку, и в телосложении: даже в свои шестьдесят три он сохранил крепость мускулов. Впрочем, одет он был побогаче других, да и работал вовсе не в селе. Он занимал весьма ответственный пост в Комитете государственной безопасности СССР, сокращенно КГБ. Хотя организация эта считалась гражданской, большинство ее сотрудников носили воинские звания. Вступая в должность руководителя отдела, Рыжов выбрал себе чин полковника, хотя этот подтянутый седеющий мужчина вполне мог бы стать и генералом. Утренний холод, похоже, его не тревожил. Зато телохранители, проверявшие дорогу впереди, прикрывавшие его с боков и со спины, зябко поеживались, поругивая про себя шефа за пристрастие прогуливаться по дороге на работу.

КГБ – одна из двух основных спецслужб Советского Союза, занимающаяся шпионажем. Вторая, уступающая ей по численности, – ГРУ, военная разведка. КГБ ведет свою биографию с 1881 года, когда царское правительство России создало Департамент государственной охраны, или просто охранку, служившую тайной полицией и внешней разведкой. Менее чем через два года после своего создания шпионское ведомство русского царя послало своих агентов в Соединенные Штаты для слежки за Владимиром Легаевым, сотрудником охранки, бежавшим из матушки-России, чтобы стать профессором в американском колледже. Не забывала охранка и присматривать за потенциальными нарушителями государственного порядка внутри страны. Так, например, в досье охранки, датированном 1 мая 1904 года, отмечено, что второй и третий пальцы на левой ноге человека, называющего себя Иосифом Сталиным, срослись, соединившись перепонкой, как у водоплавающей птицы.

Тайная полиция и служба разведки, сменившие охранку после революции, действовали примерно в том же ключе, что и предшественница, однако названия и аббревиатуры их неоднократно менялись. Так, уже 20 декабря 1917 года была создана ЧК, или Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Многие русские до сих пор называют агентов КГБ чекистами. В 1938 году некто Лаврентий Павлович Берия возглавил Народный комиссариат внутренних дел, или НКВД, и удерживал это руководство вплоть до конца 1953 года, пока точку в его правлении не поставила пуля. Западные разведки до сих пор не могут точно определить дату этого события. Гражданская разведывательная служба в рамках КГБ была создана через год после смерти Берии, 13 марта 1954 года. Подобно всем своим предшественникам, КГБ размещался в большом здании на Лубянке – наполовину тюрьме, наполовину бюрократическом учреждении.

Рыжов любил приходить на работу рано. Он мог сам определять свое рабочее расписание, и ему нравилось пользоваться этой свободой. Большинство его предшественников тоже ею пользовались, но лишь до определенного момента, а потом то, где, когда и даже как гулять, диктовали им тюремные надзиратели. Рыжов любил свежий, чистый, почти как в деревне, утренний воздух. Пройдет всего два или три часа, и этот воздух наполнится вонью фабричных дымов, автомобильных выхлопов и прочими неприятными ароматами. Ну, не настолько неприятными, как где-нибудь в Лос-Анджелесе или других западных городах, в которых ему довелось побывать, но все же достаточно противными.

Впрочем, в тот день Рыжову было не до ставших привычными воспоминаний.

В отличие от Малькольма, Рыжов отчетливо понимал, что ему хочется. Он хотел знать, что его проект развивается по плану; хотел, чтобы в этом не возникало ни тени «сомнительности», как советские бюрократы предпочитали называть то, что находится почти за гранью возможного. Однако Рыжов знал, что все развивается не совсем по плану и что именно ему придется сделать так, чтобы все продолжалось как надо.

Черный автомобиль плавно остановился у расположенного напротив дома на Лубянке универмага, где продавались игрушки, в шести метрах от Рыжова. Водитель выскочил и распахнул дверь, приглашая Рыжова садиться, но тот отрицательно мотнул головой и сделал сидевшему в салоне человеку знак, чтобы тот вышел на тротуар.

Невысокий, начинавший полнеть мужчина средних лет по фамилии Серов, который, поеживаясь, выбрался из машины, имел – как и сам Рыжов – звание полковника, однако в действительности значительно уступал ему по статусу. Рыжов руководил отделом, Серов – подразделением этого отдела. Бесспорно, важным подразделением, формально ответственным за любимый проект Рыжова, и все же только подразделением. В обычных для КГБ операциях подразделение Серова обладало некоторой степенью независимости, но только не в случае этой операции под кодовым названием «Гамаюн». Серов руководил ею лишь на бумаге, подчиняясь приказам либо агента по фамилии Крумин, формально находившегося у него в подчинении, либо самого Рыжова, который обыкновенно не снисходил до личного руководства полевыми операциями. Серов терпеть не мог работать между Круминым и Рыжовым. Он знал, что те связаны довольно сложными отношениями и оба отводят ему в операции роль простого инструмента. Случись что, обвинят в этом и накажут не агента Крумина и не руководителя отдела Рыжова. Накажут полковника Владимира Серова.

«Я словно между молотом и наковальней, – хотелось бы ему пожаловаться жене. – Нет, правда, между молотом и наковальней. Они заставляют меня делать все, что им пожелается, а если этого не получат, если что-то пойдет не так, меня скомкают и выбросят на помойку, как… как… как ржавый металлолом, вот».

Однако Серов не разговаривал с женой о работе. О своих тревогах он не рассказывал вообще никому. Мало ли кто услышит.

– Доброе утро, товарищ полковник, – пробормотал Серов. – Как дела сегодня?

Серов старался не отставать от своего рослого спутника. Впрочем, тот шагал не слишком быстро; окружавшие их на некотором отдалении телохранители и медленно следовавший сзади автомобиль превращали их продвижение в подобие небольшой траурной процессии. Те редкие прохожие, что встречались на пути, старательно отводили глаза в сторону.

– Дела неважно, – холодно произнес Рыжов, даже не ответив на приветствие. – Совсем неважно.

Значит, новости плохие, подумал Серов со странным чувством облегчения. Тревога, охватившая его с момента телефонного звонка, который поднял его с постели, улеглась. Случись катастрофа, Рыжов бы уже расстрелял его… ну или просто арестовал. В крайнем случае убаюкивал бы его обходительностью, чтобы потом застать врасплох.

– Что не так, товарищ полковник?

– Боюсь, операция «Гамаюн» под угрозой. – Голос Рыжова звучал спокойно, но казалось, что ему стоило большого труда сохранять это спокойствие. – Очень серьезной угрозой.

Как начальнику подразделения, Серову полагалось знать о неприятностях с операциями задолго до того, как о них станет известно начальству, но в данном случае вся информация шла напрямую Рыжову. *По крайней мере*, подумал Серов, *в неведении моей вины нет, и это ему хорошо известно.*

– Что случилось? Меня не информировали о каких-либо непосредственных угрозах.

Рыжов улыбнулся:

– Это потому, товарищ полковник, что доступ к информации у вас ограничен. Как начальник отдела, я владею значительно более полными знаниями.

Серов кивнул. Рыжов начал бахвалиться – это добрый признак.

– Десять дней назад связной Пятого отдела допустил непростительную ошибку. Напился как свинья в лондонском баре и принялся спорить во все горло с каким-то англичанином насчет политики ядерного сдерживания. При этом он ухитрился вскользь упомянуть

«Гамаюн». И, как назло, там присутствовал агент американской разведки, который подслушал разговор и – на случай, если нашему пьянчуге действительно известно что-то ценное, – проследил его до дома. Несколько часов назад мне сообщили, что этот американец работал в разведке Военно-воздушных сил. Американец, должно быть, обладал неплохим чутьем, а еще отменным везением. Он прошел за нашим связным до самого его дома, вломился внутрь и как следует над ним поработал. Связной так и не протрезвел. Он попытался отбрехаться, но американец на это не повелся. Американец блефовал… хотя, как знать, может и не совсем блефовал… в общем, запугал связного тем, что, если тот не расколется, он сдаст его британским властям. Связной раскололся. Американец допрашивал его несколько часов. Помимо всего прочего американец узнал от него имя Крумина, примерный план его следующей поездки в Америку, а еще то немногое, что связной знал о Крумине и…

– Боже праведный! – простонал Серов, разом забыв свой официальный атеизм. – Господи, спаси и сохрани!

– Слава богу, связной знал не слишком много, однако и тех крох, которые удалось из него выдоить, хватило, чтобы американец сумел вычислить, когда Крумин сделает пересадку в Лондоне на пути к «Гамаюну». Согласно моим источникам в разведке США, американский агент был из тех, кого называют «горячими головами», поэтому он, похоже, решил сорвать куш в одиночку. Он нашел Крумина в Хитроу и проследил его аж до Торонто. Крумин почувствовал, что засветился, и стряхнул американца с хвоста. Однако тому как-то удалось снова найти Крумина. Возможно, связной выложил ему больше, чем сказал нам, хотя лично я думаю, у американца просто неплохо варил котелок. В общем, ему удалось проследовать за Круминым до самого «Гамаюна». Там его, конечно, обнаружили и поймали, но очень скоро он сумел бежать. Крумин и ребята с «Гамаюна» выследили его. Им пришлось его застрелить, лишившись тем самым прикрытия. Теперь американцам известно, что что-то происходит, а еще у них на руках агент, смерть которого они не могут объяснить.

– А связной? – поинтересовался Серов. – Что со связным?

– Связной наворотил и других ошибок. Его начальство заподозрило неладное и допросило его. Тот не нашел ничего умнее, как сообщить, что он водил американца за нос. В общем, пришлось замочить идиота.

– А, – бесстрастно кивнул Серов. Рыжов питал склонность к старым чекистским синонимам слова «расстрела». – Ну, по крайней мере, на этот счет больше не надо беспокоиться.

– Да, – согласился Рыжов. – Информация, которую я вам сообщил, сложена из того, что мы узнали от связного, от наших источников в Америке и от Крумина.

– Как будем действовать? – Тон Серова не оставлял ни малейших сомнений в том, что руководство целиком принадлежит Рыжову.

– По крайней мере, в ближайшее время непосредственная опасность «Гамаюну» не угрожает. Связной не знал почти ничего, кроме имени Крумина. Зачем финансовый отдел снабдил его этой информацией, если в его обязанности входило только переводить средства на счет в нью-йоркском банке, мне неизвестно. Ну, хотя бы второй раз они такой ошибки уже не совершат. Тем не менее в первую очередь нам надо защитить «Гамаюн». Это тем важнее, что в ближайшее время Крумину необходимо совершить еще одну поездку. Нам нужно ублажить американцев. У них на руках загадка и мертвый агент. Вне всякого сомнения, они не пожалеют времени и сил на то, чтобы разгадать это. Если бы мы имели дело с ЦРУ, нам, по крайней мере, не пришлось бы опасаться опереточной мести. Но, к несчастью, американский агент был одним из людей этого кретина, генерала Рота. А с дилетантами вечно возникают проблемы. Мы можем надеяться лишь на то, что за делом будет следить начальство Рота. Действия профессионалов предугадать проще. Так вот, нам надо помочь американцам – так, чтобы отгадку этой тайны они нашли, но по нашему выбору. А для этого, – Рыжов

остановился, повернулся и ткнул в Серова указательным пальцем, – нам с вами нужно найти для них то, что они называют «подставой».

Глава 3

Алисе вся эта церемония показалась очень смешной, но вид у всех был такой серьезный, что она не посмела засмеяться. Она хотела ответить на речь Додо, но не могла ничего придумать и только чинно поклонилась и взяла наперсток.

Ни о чем не думай, сказал себе Малькольм. *Просто беги*. Он посмотрел вперед и притормозил. Узкая тропинка спускалась в овраг. До финиша после оврага оставалось еще полмили. Малькольм уже успел возненавидеть этот чертов овраг. Он ненавидел его все сильнее с каждым разом, когда его пересекал. С сегодняшнего утра он делал это уже в пятый раз – спускался по одному его склону только для того, чтобы подняться на почти такой же противоположный.

Издалека с фермы за ним наблюдали трое мужчин. Они увидели, как он появляется из оврага, слегка пошатываясь, и бежит по тропе дальше. Все трое удобно устроились в шезлонгах на крыльце. В левом сидел Карл, безукоризненный, как всегда. С подчеркнутым равнодушием он следил за тем, как Малькольм свернул на другую тропу, споткнулся, упал, поднялся и продолжил бежать к ферме. Сидевший в среднем шезлонге пожилой джентльмен при виде того, как Малькольм споткнулся, сокрушенно поцокал языком. Потом покачал головой почти в ритм размахивавшему руками Малькольму и повернулся к сидевшему в правом шезлонге невысокому коренастому мужчине.

– Скажите, Макгифферт, как он справляется? Только честно.

Уоррен Макгифферт прокашлялся и повернулся в его сторону. Видно было, как при каждом движении перекатываются под свитером и тренировочными штанами его накачанные мышцы. Было время, Макгифферт работал инструктором физподготовки в отряде рейнджеров. Его шотландские родители могли бы гордиться сыном, потомком иммигрантов, сделавшим карьеру в армии приютившей их страны. Макгифферт не говорил родителям, что уволился из армии ради работы, требовавшей от него тех же обязанностей, только за вдвое большую зарплату. Они бы его не поняли – отчасти потому, что унаследовали традиционную шотландскую брезгливость ко всякого рода тайным, скользким делишкам. Макгифферт этой брезгливости не разделял. Зато он сохранил толику гортанного шотландского говора, который бруклинские школьные учителя полагали очаровательным и который они не смогли бы исправить, как бы ни старались.

– Вряд ли можно ожидать чудес за два с половиной дня, сэр. Вот уж вряд ли.

Пожилой джентльмен улыбнулся и легонько похлопал Макгифферта по накачанному бицепсу.

– Не переживайте, сержант, никаких чудес в моих планах не значится. Я понимаю, у вас не было времени как следует с ним поработать – и все-таки, как он?

– Ну… – задумчиво протянул Макгифферт. – Ежели ему не надо будет биться с кем-то совсем крутым, пожалуй, сдюжит. Я научил его, как из всех обычных захватов освобождаться… и еще немного в рукопашной поднатаскал. Только он не то чтобы не в форме, и еще… ну, злости в нем не хватает, я бы сказал. Он мог бы драться круче, но, типа, сдерживает себя, словно боится кому-то сделать больно. Это может скверно обернуться, скажу я вам.

Пожилой джентльмен кивнул. Выводы Макгифферта совпадали с теми, что озвучил доктор Лофтс. Впрочем, инструктор подходил к оценке ситуации, похоже, дотошнее психолога. Пожилой джентльмен решил, что Макгифферт до сих пор относится к Малькольму, да и другим его коллегам по профессии, как к личностям, а не как к безликим агентам. Доктор

Лофтс же видел в тех, кого присылали к нему пожилой джентльмен и другие шефы американских разведок, скорее подопытных обезьянок, представлявших чисто научный интерес.

– По части огнестрельного оружия он на среднем уровне, – продолжал Макгифферт. – Владение пистолетом на уровне повыше среднего. Водит тоже нормально, хотя как следует проверить времени не было. Вот с чем у него слабовато – это с замками, взрывчаткой и всякими-разными шпионскими штучками, зато котелок варит как надо. Мы потолковали насчет разных ситуаций, и у него есть кое-какие неплохие идеи. Если бы мы смогли пройти с ним базовый курс на Ферме и поработать чуток с боевым настроем, он стал бы хорош, чертовски хорош.

– Он в вашем распоряжении до вечера. Я хочу, чтобы вы поработали еще с рукопашным боем, с пистолетом и прочими основными вещами. Сегодня вечером ему предстоит еще учиться ориентироваться по звездам и штудировать легенду. Завтра он отправляется на место. Если он напорется там на неприятности, что ему может помешать?

Макгифферт нахмурился. Он не совсем понял, что имел в виду пожилой джентльмен.

– Ну, знаете ли… Он носит контактные линзы. Неважное зрение всегда помеха. Если что вдруг не вовремя попадет в глаз, это может стоить ему жизни. А лично я больше всего опасаюсь, что он не пойдет до конца. Ну, там, не лягнет упавшего противника в голову… понимаете?

– Я очень хорошо вас понимаю, мистер Макгифферт. Вы замечательно поработали. Удостоверьтесь, что он снаряжен должным образом, когда он будет улетать, и на этом можете считать свое участие в этой операции завершенным. И не переживайте за нашего Кондора. Никто не строит на его счет зловещих планов. Он всего лишь приманка.

– А, Малькольм, мой мальчик, – просиял пожилой джентльмен, когда Малькольм, задыхаясь, одолел последние ступеньки и плюхнулся в кресло лицом к остальным трем. – Как вам утренняя пробежка, понравилась?

Малькольм пытался отдышаться добрую минуту, на протяжении которой остальные молчали. В подступавшем к ним лесу пели птицы, в доме слышались голоса, готовился завтрак, охранники перебрасывались шуточками. Солнце только недавно появилось над горизонтом.

Малькольм взмок на бегу и сейчас начал замерзать.

– Пока я… – Во рту пересохло, он сглотнул и сделал еще одну попытку: – Пока я не попал в эту чертову дыру, мне никогда не приходилось бегать больше мили – полутора. А теперь этот ваш Макгифферт делает все, чтобы я наверняка спекся, одолевая гребаные две или три. – Малькольм помолчал, переводя дух. – Это не считая того, что я теперь знаю, как выколоть человеку глаза, пока он пытается тебя задушить, или в какие точки в паху надо целить коленом. Вы уверяли, что меня везут сюда для легкого инструктажа. К чему тогда все эти штучки для суперагентов? Я прямо слышу ваш голос: «Малькольм, мой мальчик, мы всего-то просим вас обеспечить отвлекающий маневр. Ничего опасного. Ничего сложного, никакой стрельбы. Просто сделайте вид, будто выполняете небольшое исследование для военной социологической службы, и порасспрашивайте встречных. Только и всего. Ничего страшного». Но весь этот вздор плохо вяжется с тем, чему меня учат. Что за вопросы должен я задавать, если меня учат, как стрелять из обреза?

Пожилой джентльмен улыбнулся:

– Совершенно невинные вопросы, мой мальчик. И точно таким же невинным вы будете казаться почти всем: абсолютно невинным, хотя и слегка назойливым. Однако наши противники хитры. Они ожидают какого-то расследования по поводу смерти Паркинса, поэтому мы не можем не подкинуть им кого-нибудь. Они готовы, они ждут вас. Но вы не беспокойтесь. Как я уже объяснил, меньше всего им нужно, чтобы вы что-то обнаружили или чтобы с вами что-то случилось. Максимум, что они могут сделать, – это обыскать ваше снаряжение,

хотя я сомневаюсь, что они пойдут даже на это. Им нужно, чтобы вы доложили: в Монтане все спокойно и вы даже не представляете, как и зачем застрелили Паркинса. Для вас даже могут сочинить какую-нибудь правдоподобную историю, хотя не думаю, чтобы им хватило для этого глупости. Нет, с вами совершенно ничего не случится, если не считать того, что за вами будут очень внимательно следить. И чем внимательнее, тем лучше, ибо чем больше сил они потратят на наблюдение за вами, тем меньше у них останется возможностей заметить кого-либо еще.

– Вроде Кевина, – предположил Малькольм, почти окончательно отдышавшись. После вчерашней пробежки его вырвало, а потом пришлось полчаса приходить в себя.

Пожилой джентльмен снова улыбнулся:

– Совершенно верно. Вроде Кевина и других, кого мы проведем туда через черный ход.

– Тогда к чему вся эта тяжелая артиллерия?

– Представьте себе, Малькольм, – мягко произнес пожилой джентльмен, – чисто гипотетически, что все пошло не так. Что вы на что-то такое случайно, но напоролись. Мы не можем сделать из вас супермена. Если честно, наши агенты тоже не супермены. Лучшее, чем вы можете защитить себя в случае неприятностей, – это ясный рассудок и здоровые инстинкты, помноженные на опыт и хорошую подготовку. Голова у вас отличная, а вот с подготовкой неважно. Увы, у нас мало времени на то, чтобы как следует вас натаскать, но кое-какие основы вполне могут пригодиться. Что до меня, то я даже рад, что некогда вас готовить. Да, мы сумели бы сделать из вас настоящего профессионала, но, боюсь, при этом вы могли бы лишиться кое-каких врожденных качеств. Ну, например, того, что иные назвали бы везением, а я назову вашим талантом.

Малькольм фыркнул и поерзал на стуле. Он очень надеялся на то, что беседа затянется, урезав тем самым время, отведенное на учебные поединки с Макгиффертом, – недостаточно реальные для того, чтобы оставить синяки, но все же достаточно болезненные.

– Допустим, я напорюсь на что-нибудь, будучи предоставлен сам себе. Мне что тогда, звать на помощь кавалерию или как?

– Разумеется, вы будете подробно информировать нас о происходящем по каналам, пользоваться которыми вас еще научат. Однако в той ситуации, о которой вы говорите, позвольте посоветовать вам следовать собственным суждениям.

Малькольм хмыкнул и открыл было рот, чтобы возразить, но пожилой джентльмен перебил его:

– На эту тему мы сможем побеседовать позже. А сейчас, если не ошибаюсь, у вас еще одна утренняя тренировка у Макгиффферта. Так ведь, сержант?

– Так точно, сэр! – гаркнул бывший сержант Макгифферт, бодро вскакивая со своего шезлонга. – Пошли, приятель.

Малькольм медленно поднял взгляд на возвышавшуюся над ним внушительную фигуру, покачал головой, вздохнул и встал. К бывшему амбару, превращенному в физкультурный зал, он плелся следом за Макгиффертом так медленно, как только осмелился.

Пожилой джентльмен, смотревший вслед двум удалявшимся фигурам, едва не пропустил мимо ушей вопрос, который Карл произнес по обыкновению мягко:

– А ведь это действительно интересное предположение, сэр: что, если Кондор встретится там, на месте, с чем-нибудь серьезным?

Пожилой джентльмен улыбнулся и помолчал несколько секунд, прежде чем ответить:

– Это, Карл, мой мальчик, было бы такой удачей, на которую я даже не осмеливаюсь надеяться. Вряд ли нам стоит ожидать от судьбы таких подарков.

Карл чуть наморщил лоб.

– Конечно, сэр… но я имел в виду не совсем это. Допустим, Малькольм встретится там с какими-то неприятностями. Я понимаю, нам это будет на руку, поскольку неприятель себя обозначит. Но что будет с Малькольмом? Как, по вашему мнению, он отреагирует?

Пожилой джентльмен посмотрел на амбар, в воротах которого скрылись Малькольм с Макгиффертом, и нахмурился, подбирая слова для ответа.

– Ты сам сказал, Карл: это действительно интересное предположение.

– Не хотите ли кофе, сэр?

Малькольм отрицательно покачал головой, и стюардесса отозвалась на это положенной отсутствующей улыбкой.

– Что ж, возможно, позже. – Еще одна заученная улыбка, и она перешла к следующему ряду кресел.

Малькольм выглянул в окно и зажмурился от бившего в глаза солнца. Внизу раскинулся необъятный облачный, казавшийся незыблемым пейзаж. Со всех других сторон все было окрашено голубым – холодным, кристально-чистым, ярким. Самолет не сразу вынырнул из толстого слоя облаков, так что на протяжении нескольких минут за окошком клубилась белая вата. Во время взлета Малькольм зажмурился и не открывал глаз, пока самолет не набрал высоту, поэтому и не бросил прощальный взгляд на вашингтонские монументы.

Воздушные путешествия страшили Малькольма примерно в той же степени, что и возбуждали. Волнение и страх перед стихией, в которой словно не действовали привычные законы тяготения и инерции, приводили его в состояние, близкое к истерике. В последние минуты перед взлетом это почти лишало его способности думать, хотя внешне Малькольм выглядел не более нервным, чем его соседи по салону. Впрочем, когда самолет отрывался от земли и набирал крейсерскую скорость и высоту, эта взвинченность сменялась облегчением. Все равно его судьба на ближайшие час или два от него не зависела. В автомобиле, автобусе или даже на пешей прогулке Малькольм ощущал некоторую ответственность за свою жизнь. Действительно, когда он вел машину или шел по улице, безопасность зависела преимущественно от его собственных действий. В автобусе он мог, например, ринуться вперед и перехватить управление, случись с водителем сердечный приступ. Но здесь, в летящем на высоте в несколько тысяч миль над землей самолете, в случае каких-либо неполадок он не смог бы сделать ровным счетом ничего. Малькольм сидел в своем кресле абсолютно беспомощный и бессильный повлиять на происходящее. Даже броситься к двери и заставить стюардессу выпустить его он не мог: слишком поздно, самолет уже полчаса как оторвался от земли. Но на этот раз напряжение его не отпускало – значит, дело все-таки было не в полете.

Что, черт возьми, ты делаешь, Рональд Малькольм, спрашивал он себя. Вся эта история с момента, когда он принял решение лететь с Кевином в Вашингтон, три дня на маленькой ферме, вся эта операция представлялась ему чем-то нереальным – вплоть до сегодняшнего утра, когда непривычно тихий Макгифферт прервал его беспокойный сон ради утренней пробежки. На бегу они не разговаривали. Даже короткие команды Макгифферта, когда они в последний раз повторяли азы самообороны, звучали как-то мягко, почти успокаивающе. Казалось, отставной сержант спит в своей постели, а его место занял брат-двойник, по некоторым признакам священник. За завтраком к ним присоединились пожилой джентльмен и Карл. Первые десять минут Карл быстро, бесстрастно экзаменовал Малькольма на предмет его легенды, однако к моменту, когда повар закончил разливать кофе, разговор превратился в легкую, ни к чему не обязывающую болтовню. Говорил преимущественно пожилой джентльмен; он рассказывал анекдоты про садоводство, политическую жизнь в Вашингтоне, Вторую мировую войну и прочие не имеющие отношения к делу темы.

– Вы отлично справляетесь, мой мальчик, – произнес пожилой джентльмен, пожимая Малькольму руку на прощание. – Просто думайте головой, и все сложится как нельзя лучше.

Малькольм тупо кивнул. В вашингтонский аэропорт его отвез совершенно незнакомый человек. За всю дорогу они с Малькольмом не обмолвились и словом. В аэропорту Малькольм старательно избегал подходить близко к мужскому туалету, в котором год назад подстерег и убил агента по имени Мароник. Безмолвный спутник Малькольма не отставал от него до самого выхода на посадку. У нижней ступеньки трапа Малькольм оглянулся и посмотрел на выход из здания терминала, где стоял его сопровождающий. Солнце только-только вставало, и свет в здании, по которому бродили редкие утренние пассажиры, еще не погасили. Повинуясь внезапному импульсу, Малькольм помахал рукой. Тот не ответил.

Вот и приехали, размышлял Малькольм. *Лечу в Монтану играть в шпионские игры с пистолетом в чемодане, изображая из себя военного социолога, без малейшего представления о том, что мне делать – кроме того, что находиться там.*

Малькольм улыбнулся. *Я там, где я есть*, подумал он, *и все равно уже поздно что-либо менять*. Еще несколько минут он продолжал улыбаться, не думая ни о чем конкретном. В конце концов он обернулся к стюардессе. Та заметила его взгляд и вопросительно подняла брови. Возможно, немного кофе сейчас не помешает, решил Малькольм. Тем более что платить за него не надо. Он вежливо кивнул, и она направилась к его креслу.

Пока Малькольм заказывал у стюардессы кофе, в двух других местах имели место два разговора. Первый происходил в Восточном Берлине, в резидентуре КГБ, между ночным дежурным и его начальником. Начальник опустил чашку с горячим чаем на блюдце, откинулся на спинку вращающегося кресла и с усталым вздохом водрузил ноги на стол.

– Ох, Илюша, – вздохнул он. – Жизнь все-таки жестокая штука.

Дежурный сочувственно поерзал на жестком деревянном стуле. За последние два года эти вечерние чаепития вошли у них в привычку. Насколько Илья мог судить, начальнику хотелось хоть на несколько минут сбросить груз ответственности, неофициально болтая с доброжелательно настроенным подчиненным. А не лишенный амбиций Илья зарекомендовал себя внимательным слушателем.

– Да уж… – неопределенно кивнул Илья в слабой надежде на то, что начальника гнетет что-то посерьезнее семейных проблем.

– Вот будь мы дома, в матушке-России, там нашлись бы грамотные люди, которые смогли бы нам помочь. Не то что эти халтурщики немцы. Никак не возьму в толк, зачем мы с ними возимся – после всего, что они наворотили в Великую Отечественную! Ну там, конечно, международная солидарность трудящихся и все такое, однако когда эти немцы, так бахвалящиеся своей аккуратностью, обделаются, кому за ними разгребать? Только нам.

– Что уж тут поделать, товарищ капитан, – сочувственно поддакнул Илья, стараясь не выдать нарастающего интереса. Что-то определенно происходило или уже произошло. Подумав, он рискнул подтолкнуть собеседника: – А что такого учудили наши друзья на этот раз?

– Уфф, – презрительно фыркнул начальник, запрокинув голову и закрыв глаза. – Друзья? Чего учудили? Засветили такую хорошую разведывательную операцию, вот чего. И поставили нас в положение, которое сдержанные английские коллеги назвали бы «сложным». Что за дурак такое выдумал? Более дурацкое определение сложно найти.

– Ну да… – пробормотал Илья, старательно подбирая уместные реплики. Он отчаянно боялся порвать тонкую нить беседы, что вполне могло произойти, надави он на собеседника слишком сильно, но еще больше боялся того, что начальник сменит тему и такая фантастическая возможность будет упущена. – Даже у англичан есть свои халтурщики.

– Угу, только, к несчастью для нас, среди них не найти таких идиотов, как те, кого немцы посылают работать в разведке. Разведка! Тьфу! Это было бы даже смешно, если бы не было так грустно.

– Ну, товарищ капитан, вряд ли все так уж плохо.

– Не так плохо? – почти выкрикнул капитан, злобно топнув ногой под столом. – Не так плохо? Думаешь, бывает хуже?

– Ну… я…

– Эх, Илюша, – назидательным тоном начал капитан. – Ты, поди, даже вообразить не мог бы, что найдется такой дурак, который примет на работу связным – профессиональным связным, не каким-нибудь подзаборным информатором, а профессионалом! – любителя выпить? Самого что ни на есть любителя выпить! И пьющего не как подобает разведчику, нет, а до свинского состояния, так, чтобы выболтать спьяну свои секреты. Каково?

– Совершенно с вами согласен, – поддакнул Илья. – Глупее не бывает.

– Не бывает? Эх ты, святая простота… Я скажу тебе, что может быть глупее! Ты не только принимаешь этого алкаша на работу, не только посылаешь его туда, где он может все выболтать, но еще и рассказываешь ему то, что он может выболтать, что он и делает, и попадается на этом, и вот тут-то ты уже точно в самой настоящей заднице.

– Где, товарищ капитан?

– В жопе, вот где. Кретины из финансового отдела проболтались связному о том, что деньги, которые он переправляет, предназначены для финансирования разведывательной операции в Штатах, связанной с их ракетами. Они даже позволили ему задержаться в лондонском аэропорту, более того – сообщили ему номер рейса, на котором должен был лететь туда наш человек. А этот идиот связной не просто алкаш, но еще и любопытный алкаш… Черт его знает, может, он рассчитывал переметнуться… не знаю, не знаю. В общем, он ошивался там до тех пор, пока не подглядел, как наш агент забрал посылку. А за ним уж подсмотрел американец, случайно услышавший его болтовню.

– Да, вот это уже глупее глупого…

– Угу, – кивнул капитан. Злости у него немного поубавилось; он снова откинулся на спинку кресла и закинул ноги на стол. – Разумеется, связной засветился. Нашего агента проследили до самой ракетной базы, его чуть не сцапал американец, и нашему едва удалось уйти. Но, похоже, американцы тоже не семи пядей во лбу, потому что после того, как их агента убили, никаких других действий они не предпринимали. В Москве, по крайней мере, ни о чем таком не знают. Вот нам теперь и латать все прорехи.

– Нам?

– Ну, если не все, то часть. Послезавтра мы посылаем туда еще одного агента – первый-то задания не выполнил. Поскольку считается, что американцы не в курсе того, что происходит, Москва решила рискнуть еще одним. Уж не знаю, стоит ли оно того – им виднее. Так или иначе, мы отвечаем за его переправку через Берлин во вторник.

– Скрытно?

– Да нет, он летит отсюда в Лондон, оттуда в Канаду. Дальше уже не наша забота. От нас требуется только проследить, чтобы он благополучно сел в самолет.

– Ну уж с этим мы справимся, – уверенно произнес Илья, стараясь не выдать охватившего его торжества. Во вторник. У него полным-полно времени.

– Надеюсь, что так, Илюша, – вздохнул капитан. – Надеюсь, что так. Устал я чего-то. Плеснешь мне еще чайку, а? А потом работать, работать.

– С удовольствием, товарищ капитан. – Заваривая чай, Илья мурлыкал себе под нос. Ночная смена выдалась на редкость удачной.

В маленький бар, расположенный чуть в стороне от деловых кварталов Западного Берлина, захаживают в основном старые клиенты. Солдаты союзных оккупационных сил бывают здесь редко, поскольку шансов познакомиться тут с юной незамужней фройляйн меньше, чем в центре. Для успешных бизнесменов бар недостаточно респектабелен, для менее уважаемых слоев берлинского общества он, напротив, слишком дорог. Посетители в

большинстве своем принадлежат к среднему классу: клерки, торговцы и пассажиры, которые заходят сюда исключительно с целью скоротать время до начала регистрации в аэропорту Тегель или до отхода рейсового автобуса. В Лондоне такое заведение представляло бы собой паб, реклама которого печатается в воскресных приложениях к газетам. В Америке – придорожное кафе. В Берлине оно оставалось одним из многих, как их здесь называют, «штюбе». Вообще-то Берлин отличается самой высокой в мире концентрацией шпионов на квадратную милю, однако конкретно этот бар не числился в списках точек рандеву ни у американских, ни у западногерманских спецслужб. Пока Малькольм летел в Монтану, а Илья ненавязчиво прокачивал своего шефа на предмет информации, в этом маленьком берлинском баре встретились два агента.

Первым был Кевин Пауэлл. Он прилетел в Берлин накануне после двух дней бесплодных поисков в Лондоне. Лондонский начальник Паркинса связался с резидентом разведки ВВС в Берлине, который в свое время довольно много работал с погибшим. Бывший партнер Паркинса и разговаривал теперь с Пауэллом в берлинском баре; собственно, именно ради этого разговора Пауэлл сюда и прилетел.

– Жаль, конечно, старину Парки, – негромко произнес собеседник. – Чертовски жаль. Как он погиб?

Кевин внимательно посмотрел на сидевшего напротив невысокого человечка. Кевину не нравилось место, которое тот выбрал для встречи, агент должен чувствовать себя как можно естественнее, чтобы из него легче было выудить все, что он знал. Мысленно Пауэлл то и дело чертыхался: собеседник входил в число самонадеянных генеральских героев.

– Вам не захочется знать подробности, – твердо заявил Кевин. – А если и захочется, думаю, вы осознаете, что требования секретности не позволят мне делиться ими.

Агент понял, что его ставят на место, и заметно напрягся. В конце концов, не каждый день из Штатов прилетает кто-то из начальства, чтобы расспросить о погибшем сослуживце.

– Извините. Так, пустое любопытство. И вы меня поймите: я с этим парнем полгода бок о бок проработал в европейском отделе.

Кевин улыбнулся, стараясь излучать тепло и добродушие.

– Конечно, понимаю. Как мне сказали, вы его довольно неплохо знали. Я хочу, чтобы вы про него рассказали – все, что помните. Начиная с первой встречи, включая все совместно проведенные операции, его личную жизнь, бытовые привычки, мнение о своей работе – все-все-все. Особенно меня интересует информация о том, что он делал в последние шесть месяцев. Его отчеты непосредственному начальству не отличались полнотой.

Агент рассмеялся:

– Еще бы. Парки вообще мало заботился об уставной части. Не любил работать с начальством – предпочитал доводить все до конца сам. А потом уже выдавал им подробный отчет с картами, записями, фото и прочими документами, обосновывавшими его поступки, – даже если само дело выеденного яйца не стоило. Благодаря этому его наверху терпели. Парки всегда говорил, что вмешательство больших шишек может только все испортить. – Агент сделал большой глоток пива. – Уверены, что вам нужны все подробности? Это может занять немало времени.

Кевин огляделся по сторонам. Они устроились за столиком в дальнем углу, напротив входа. Соседние места пустовали: в баре вообще было немного народа. От ближайшего посетителя их отделяло добрых пятнадцать футов. Сам Кевин сидел лицом ко входу и стойке, поэтому незамеченным к их столику никто не смог бы подойти. Вряд ли бар прослушивался, да и шансы на то, что в него зайдет кто-нибудь способный опознать их, представлялись весьма незначительными.

– Спешить нам некуда. Мне нужно все, что вы в состоянии вспомнить.

Его собеседник пожал плечами.

– Мы встретились на вводной лекции, которую генерал читал нашему отделу. Ну, такой обязательной, с пожеланиями и всем прочим. Мы почти не разговаривали тогда, да и познакомились-то по-настоящему два месяца спустя, когда нас обоих назначили в английский отдел. Вот тогда…

Прошло два часа. Кевин отчаянно боролся с зевотой. Не то чтобы ему это наскучило, но он устал. Жадная, настороженная сосредоточенность, которой требовал от него разговор, выматывала сильнее, чем физический труд. Коротышка рассказывал охотно, почти без понуканий. Он явно любил поговорить, и это – вкупе с кое-какими подробностями, которыми он делился с той же охотой, – заставило Кевина порадоваться тому, что они не работают вместе. К этому времени рассказчик покончил с хронологическим повествованием и перешел к чистым эмоциям. После пяти кружек пива его речь сделалась менее внятной, но Кевин боялся прерывать его: мало ли что может всплыть в любой момент.

– …вот старина Парки и завел себе крутую квартирку в Лондоне – типа, для конспиративных встреч. Хотя, думаю, вряд ли он собирался использовать ее по этому назначению. Ну там, для встреч, только едва ли конспиративных. Но генерала-то он заставил раскошелиться. Парки вообще нравилась Англия, ума не приложу за что. Погода отвратная. Зарплата не самая высокая. Однако Парки говорил, там надежнее. Сказал мне как-то, что на них можно положиться: они сохранят для тебя все в лучшем виде.

В голове у Кевина что-то щелкнуло.

– Что? Что сохранят?

Коротышка пожал плечами:

– Не знаю. Он не объяснил. Сказал только, что можно положиться, потому что сохранят в наилучшем виде.

Предельно осторожно, чтобы не спугнуть опьяневшего собеседника, выказав чрезмерный интерес, Кевин подался вперед.

– А вы не помните, по какому поводу он это сказал, о чем вы тогда разговаривали?

– Гм. – Коротышка покачался на стуле и сосредоточенно нахмурился. – Дайте подумать, дайте подумать… А, вспомнил. Дело было в семьдесят третьем, как раз после того, как один из наших парней в Риме потерял важные бумаги. Мы так и не узнали тогда, противник ли их стырил или он сам их посеял. Парки, типа, считал, что его просто карманники обчистили. Он сказал тогда, что это проще простого, поскольку все в службе раздолбаи и тупицы – все, включая начальство. Помнится, я спросил тогда, может, он и меня тоже имеет в виду… Я здорово тогда разобиделся. Надо же – какой я тупица!

Кевин осторожно покашлял, борясь с острым искушением согласиться с подобным предположением.

– И что он сказал?

Коротышка открыл глаза.

– А вы что думали? Думали, подтвердит, что я тупица?

Кевину пришлось поднять руку, чтобы герой-разведчик не сорвался на крик.

– Нет, не это. И следите за своим голосом! Что Паркинс сказал о том, что в Англии сохранят в наилучшем виде?

– Ах, об этом… Ну, он – после того как заверил, что я-то не тупица, – заявил, мол, на англичан, на их правительство всегда можно положиться. Что тому парню в Риме стоило послать бумаги англичанам, уж они-то точно ничего бы не потеряли.

– И все? Ничего больше не объяснил?

Коротышка мотнул головой:

– Нет. Да я и не спрашивал особо. А сам Парки ничего больше не добавил.

Кевин вздохнул.

– Ну как, хотите еще чего узнать? Чтоб я еще чего-нибудь рассказал?

Кевин посмотрел на сидевшего перед ним типа с покрасневшими глазами. Вряд ли от него можно было ожидать еще чего-либо ценного, по крайней мере в ближайшие несколько часов. Вот если бы у Кевина имелось в распоряжении несколько недель на то, чтобы выпотрошить его до дна… Однако, если верить пожилому джентльмену, счет шел не на недели, а на сутки, даже часы, так что тратить время на разработку этой линии не имело смысла.

– Нет, – медленно ответил Кевин. – Пока нет. Если мне потребуется что-нибудь еще, я с вами свяжусь. – Он встал, дав собеседнику знак оставаться на месте. – Я выйду первым, а вы – через десять минут. Никакого пива больше, вообще ни капли спиртного до тех пор, пока вам не передадут, что вся эта история закончилась. Держите ухо востро. Вы – единственная ниточка, которая связывает нас с Паркинсом, и это лучше, чем ничего, так что нам не хотелось бы, чтобы с вами что-то случилось.

Глаза у коротышки расширились.

– Вы хотите сказать, мне, возможно, тоже…

– Я ничего такого не говорю, – перебил его Кевин. – Я просто хочу, чтобы вы были очень, очень осторожным. Так что таким и будьте.

Открывая дверь на улицу, Кевин оглянулся на агента. Тот сидел, тараща глаза ему вслед. Кевин повернулся и вышел. Оказавшись на улице, он с досадой тряхнул головой и сосредоточился на следующих шагах.

Следующим утром Кевин вернулся в Лондон. Глава лондонской резидентуры ЦРУ, встречавший его в аэропорту, заметил круги у него под глазами, но ему хватило ума отвезти его в свою контору, как Кевин попросил, а не предложить прежде выспаться.

Руководитель британского отдела ЦРУ не любил работать с отделом «С». По его мнению, они вечно все усложняют, а еще превращают заведенный уставной порядок в балаган. Он понимал, что у него нет выбора, но все-таки не удержался от ворчания, когда Кевин попросил у него разрешения поговорить по закрытой линии.

Едва ли не решающим фактором любой разведывательной деятельности является связь. В самом деле, что толку от самых ценных выведанных секретов, если нет возможности передать их своим? Да и сама методика шпионажа сводится преимущественно к перехвату чужих сообщений, для чего используются подслушивающие устройства, «жучки» на чужих телефонах, фотографирование чужих документов и тому подобные средства. Ведь нет таких секретов, о которых не сообщается вообще никому, ибо это означало бы не секрет, а просто никому – ну, кроме единственного человека – не известную информацию, от которой нет ни пользы, ни вреда.

Кевину отчаянно требовалось связаться с пожилым джентльменом, причем как можно быстрее. Ему повезло: в Лондоне он находился на более-менее дружественной территории. Британцы охотно сотрудничают с американскими спецслужбами – разумеется, если это не наносит ущерба их собственным интересам. В том, что касается защиты своих интересов, британские спецслужбы очень сильны с самого момента создания в 1573 году, так что и их помощь союзникам весьма эффективна. Например, МИ-5, ведающая вопросами внутренней безопасности, обеспечивает отличные, защищенные каналы связи в случаях, если ЦРУ нужно экстренно соединить свою лондонскую резидентуру с американским посольством – или, скажем, с Вашингтоном. Причем делает все так, что об этих каналах связи не известно почти никому. Разумеется, ЦРУ отвечает британским коллегам подобными же любезностями.

Защищенная телефонная линия – это вам не простой набор проводов с примитивной АТС. Специально разработанная в Лэнгли система автоматически шифрует все разговоры и проверяет подключения к линии. В дополнение к этому МИ-5 со своей стороны, а ЦРУ со своей периодически проверяют ее безопасность. Все переговоры осуществляются по отдельному трансатлантическому кабелю. На американской стороне телефонные линии

ведут от выхода кабеля непосредственно в Лэнгли. На ваш звонок могут ответить в самой штаб-квартире ЦРУ, а могут соединить с любым обычным номером на всей территории Соединенных Штатов – при условии, конечно, что там смогут ваш сигнал расшифровать. Первый звонок Кевина в посольство заставил ночного дежурного связаться с Вашингтоном, чтобы пожилой джентльмен мог приготовиться к особому звонку. Вся эта процедура заняла чуть меньше получаса.

Даже все умение специалистов ЦРУ не в состоянии защитить сигнал от помех, сопутствующих любому трансатлантическому звонку. К этому добавляются фоны, вызванные шифровкой и обратной расшифровкой сигнала. В общем, обоим собеседникам приходилось изрядно напрягать слух, однако слова звучали все же более-менее разборчиво.

– Кевин, мальчик мой, – заговорил пожилой джентльмен, – ты как? И как обстоят дела?

– Я в порядке, сэр, а вот дела – не очень. Впрочем, возможно, что-то я и нащупал, только мне кое-что нужно, и обеспечить это способны только вы.

– Можно с подробностями подождать до следующей курьерской доставки?

Кевин улыбнулся. Пожилой джентльмен до сих пор не очень доверял всем видам электронной связи, какие бы меры предосторожности при этом не принимались.

– Боюсь, нет, сэр, если только вы не считаете, что время терпит.

– Ты прав, мой мальчик, не терпит. Что тебе нужно?

– Мне необходим друг в государственных органах – кто-то, кто мог бы помочь в организации полномасштабного расследования. Я предпочел бы кого-нибудь из полиции, хотя сошли бы и спецотдел, и Пятерка, и Шестерка (Кевин имел в виду Пятый и Шестой отделы британской разведки).

– Думаю, спецотдел лучше всего. Он очень уютно устроился между разведкой и полицией. Нет смысла напрямую вовлекать в это дело Пятерку или Шестерку – все и без того слишком скользко. Я обеспечу этому подходящее прикрытие. Думаю, часов четырех на это все хватит. Карл даст тебе знать, когда все будет готово.

– Отлично. Так я даже поспать немного успею. Как там наш Кондор?

Пожилой джентльмен чуть помедлил с ответом. Кевин мог бы побиться об заклад, что тот улыбнулся, прежде чем произнести.

– Кондор в пути, Кевин, мой мальчик. В пути.

Глава 4

Завидев Алису, Кот только улыбнулся. Вид у него был добродушный, но когти длинные, а зубов так много, что Алиса сразу поняла, что с ним шутки плохи.

Владимир Серов привстал из-за стола, чтобы поприветствовать человека, которого ввел в комнату адъютант.

– Доброе утро, товарищ Нурич, садитесь. Подождете минуту? – Серов снова опустил взгляд, делая вид, что читает какую-то бумагу. На самом деле он просто дал Нуричу пару минут, чтобы тот успокоился.

Нурич огляделся по сторонам и уселся на жесткий деревянный стул. Голые стены, отметил он про себя, – ни картин, ни даже карты нет. Как бы невзначай он покосился на стол, но Серов держал бумаги в руках, поэтому Нурич не увидел, что там написано. Несколько минут в кабинете стояла тишина, потом Серов захлопнул папку (без этикетки, заметил Нурич).

– Ну, как дела? – спросил Серов.

– Спасибо, товарищ Серов, хорошо, – вежливо ответил Нурич, с точки зрения полковника, немного суховато. *Это замечательно, что он мне не нравится*, подумал Серов. *Так даже проще будет*. – Надеюсь, и у вас тоже, – добавил Нурич.

– Да, спасибо, – покривил душой Серов. – У меня для вас есть очень важное поручение. Очень ответственное. Я знаю, вы давно не занимались оперативной работой, но вы – единственный квалифицированный сотрудник, который находится сейчас в нашем распоряжении.

– Я сделаю все, что в моих силах.

– Не сомневаюсь. Речь идет об очень сложной операции. Если она потерпит неудачу, мы, вся наша страна, окажемся в неловком положении. Вы должны это отчетливо понимать.

– Ясно, – сказал Нурич. *О чем бы ни зашла речь*, подумал он, *дело, видимо, весьма серьезное*. Ему стало немного не по себе.

– Операция предполагает проникновение на территорию Соединенных Штатов. Вам предстоит разведать стартовую позицию стратегических ракет, расположенную у самой канадской границы. Причем в районе, где у нас нет агентурной сети, а операция уже оказывалась под угрозой. Связной, немец из ГДР, прокололся, и американский агент едва не вскрыл все наши приготовления. К счастью, наш агент сумел убить американца, однако практически вся подготовка пошла насмарку. Нашему человеку не удалось осуществить задуманное, американцы узнали о том, что мы что-то замышляем, а руководство давит на нас с отчетами по сложившейся ситуации. Тем не менее решено предпринять еще одну попытку. Мы надеемся, американцы поверят в то, что впредь мы будем считать этот район слишком опасным для какой-либо активности, и это повышает шансы на успех операции. Поскольку вы уже работали в Штатах и Канаде, у вас отличный язык и некоторая техническая подготовка, завершение операции поручается вам.

– Есть, товарищ полковник.

– Вы полетите в Штаты через Берлин, Лондон и Торонто. Из Торонто вы прибудете в Нью-Йорк, а оттуда доберетесь до места операции так, как сочтет нужным наш тамошний резидент. Целью операции являются испытания нашего нового сверхчувствительного электронного устройства. Наши ученые уверяют, что оно может считывать сигналы систем управления американскими ракетами и стартовых систем. Правда, для этого вам придется подобраться к стартовой шахте на расстояние не больше восьмиста метров. Считанная вами

информация даст нашим специалистам возможность вычислить траектории ракет, их основные и запасные цели. Думаю, не надо говорить, что это будет означать для укрепления нашей обороноспособности. Сам прибор для испытаний вам передадут уже в Америке. А потренироваться на опытном образце вы сможете здесь.

– Есть, товарищ полковник.

– Позвольте подчеркнуть одно обстоятельство. – Серов чуть подался вперед, пристально глядя в лицо собеседнику. – Операция носит исключительно важный для нас характер. Я бы сказал, жизненно важный. Вы ни при каких условиях не можете допустить захвата американскими спецслужбами. Вы обязаны любой ценой защитить прибор. В случае, если положение станет безвыходным, вам надлежит уничтожить прибор и только потом спасаться самому. Для спасения вы вольны использовать любые средства – подчеркиваю, любые! Однако в случае вашего ареста мы рассчитываем на то, что вы прибегнете к экстренным мерам для сохранения безопасности – полагаю, не нужно объяснять, что это означает. Вам все понятно?

– Так точно, товарищ полковник! – гаркнул Нурич, распростившись с надеждами на скорый отпуск.

– Отлично. Доложитесь моему заму. Он свяжет вас с ответственным по тому региону. Работать будете в основном самостоятельно, но отчитываясь местным резидентам. При каждом перемещении на новое место станете докладываться тамошнему резиденту, а о предыдущем можете забыть. Общее руководство операцией осуществляет мой зам, в остальном вам предоставлены самые широкие полномочия. Местной резидентуре предписано оказывать вам помощь. Вы будете иметь дело с резидентами в Берлине, Лондоне, Нью-Йорке и Чикаго. Из них никто, кроме чикагского, не знает целей операции, и вы им тоже ничего не говорите. Деталей вообще не знает никто, кроме меня, моего зама, нескольких специалистов и, разумеется, руководства. В случае возникновения экстренных ситуаций вы имеете право обратиться к резидентам – в порядке, обратном тому, в котором будете иметь с ними дело по прибытии. Или же можете следовать специальным инструкциям, которыми вас снабдит чикагский резидент. Остальной инструктаж получите у моего зама. Удачи, товарищ Нурич.

– Спасибо, товарищ полковник, – произнес Нурич, вытянувшись по стойке «смирно». – Задание будет выполнено!

Серов улыбнулся:

– Не сомневаюсь.

Минутой позже, дождавшись звонка секретаря, доложившего о том, что Нурич покинул здание, Серов нажал на маленькую кнопку на краю стола. Почти сразу, словно он стоял в ожидании сигнала за дверью, в кабинет вошел начальник отдела Рыжов и уселся на тот же стул, где только что сидел Нурич. Правда, в отличие от последнего, устроился он непринужденно, даже вальяжно.

– Отлично сделано, Серов, – заметил Рыжов. – Просто отлично.

Серов не разделял оптимизма своего шефа:

– Думаете, справится? Правда думаете?

– Ну, разумеется, справится. Нурич – мелкий скользкий червяк, которого заслало к нам ГРУ, но зато настоящий профессионал. Он сделает для операции все, что сможет, а если нам повезет, его еще и грохнут при этом.

– Но чего это будет нам стоить, – пробормотал Серов. – Дорого. Нурич, наши агенты в Лондоне, Нью-Йорке, Чикаго, Берлине – и все на ветер. Только ради «Гамаюна».

– Товарищ Серов, – негромко, но жестко возразил Рыжов, – думайте о дальних перспективах. Мы спасаем «Гамаюн». Мы удовлетворяем любопытство американцев, которые, если им не помешать, могут докопаться не только до «Гамаюна», но и гораздо глубже. И чем мы за это платим? Агентами, которые, как нам известно, уже под колпаком у неприя-

теля и поэтому давно изолированы от всех других операций. Ну да, наш чикагский агент из местных, завербованный много лет назад, до сих пор не засветился – но он на глазах превращается в настоящее чудовище с самоубийственными наклонностями. Нет, мы пожертвуем американцам несколько пешек, а сами в это время подберемся к королю. Нам даже удастся подложить небольшую свинью друзьям из ГРУ – никогда не вредно поставить солдафонов на место.

– А как же аппарат? Я хочу сказать, ничего, если его заполучат американцы?

– Ах да, портативный перехватчик электронных команд… Славная придумка умельцев из МГУ, скушавшая изрядный кусок наших сил и бюджета, но абсолютно бесполезная почти все время, за исключением самого момента запуска ракеты. В результате которого этот перехватчик, само собой, уничтожается. Впрочем, на вид он вполне работоспособен и вполне может убедить наших американских друзей в том, что вся возня с его испытаниями стоила свеч. Поэтому, если им удастся захватить перехватчик невредимым – ну, или восстановить из обломков, если Нурич его все-таки уничтожит, – это даже к лучшему. Они, скорее всего, потратят уйму времени и денег на разработку собственного аналога, а мы, если повезет, захватим нескольких агентов, которых они пришлют сюда, чтобы его испытать. Впрочем, я сомневаюсь, что у них будет возможность его испытать. Нурич неплох. Даже с учетом того, что мы его подставили, им придется изрядно попотеть, чтобы взять его. Тем более живым. К чему мы, собственно, и стремимся. Да нет, план замечательный. Просто отменный. Мы с Круминым вполне им довольны, и, уверен, вы тоже.

– Ну конечно, – согласился Серов. – Конечно.

Малькольм неподвижно лежал на кровати, прислушиваясь к собственному дыханию. Кондиционер он выключил. В номере мотеля стояла полная тишина, если не считать звуков этого самого дыхания и еще тех, что просачивались через окно с улицы. Он сомневался в том, что в соседних номерах кто-то живет, и это предположение должно было успокаивать его или, напротив, тревожить, но со своим отношением к этому он пока не определился. Малькольм поправил подушки, чтобы голова оказалась повыше и можно было видеть все тело. Он лежал в одних трусах. Его руки потемнели от загара, наскоро полученного под ультрафиолетовой лампой (не может полевой сотрудник ходить бледным, как кабинетная крыса), зато по сравнению с ними тело казалось особенно белым. Живот не производил впечатления ни накачанного, ни особенно уж хилого, но и жирок, нажитый в Цинциннати, за пару последних дней исчез без следа. Малькольм решил, что бедра и ноги тоже немного постройнели. Потом опустил взгляд ниже и приветственно помахал себе пальцами ног. Наконец взгляд его переместился к собственному отражению в зеркале. *Господи Иисусе, Малькольм*, подумал он, *что ты здесь делаешь?*

В этом месте, решил он, *мне полагалось бы задумчиво курить, размышляя над сложившейся ситуацией. Вот только я не курю, да и не очень представляю, в какой ситуации оказался, чтобы над ней размышлять. Я, должно быть, сбрендил.* Следующие десять минут он не думал ни о чем, сосредоточившись на дыхании, меняя его частоту. Говорят, помогает упорядочить жизнь. *Помогает, да*, подумал он, *но очень уж слабо.*

Днем раньше Малькольм сошел с самолета в восьмидесяти пяти милях к югу от Шелби – городка, где ему надлежало обосноваться на время операции. Аэропорт находился в городке Грейт-Фолс – если населенный пункт, где живет меньше 50 тысяч человек, можно считать настоящим городом, – который постепенно расползался, пока не уперся окраиной в базу Военно-воздушных сил Мальмстрем и центр управления стратегическими ракетами. Следуя инструкциям Карла, Малькольм провел день на базе, выдавая себя за штатского – писателя, работающего по заказу отдела общественных связей Министерства обороны над рассказом о ракетах.

Начальник службы безопасности авиабазы, которому генерал Рот сообщил о том, кем Малькольм является на самом деле, лично провел для него ознакомительную экскурсию по командному пункту и пусковым площадкам – чтобы ввести в курс дела. Генерал Рот сам рассказал офицеру о том, что Малькольм занят расследованием убийства. Генерал настоятельно интересовался, занимается ли кто-то этим делом на месте, и пожилой джентльмен не устоял перед его сокрушительным натиском. Как он и опасался, генерал поделился новостью со своим человеком в Мальмстреме. Пожилому джентльмену огласка очень не нравилась, но и поделать с этим он ничего не мог. Тем не менее тревожить Малькольма он тоже не хотел, поэтому оставил его в неведении насчет небольшой утечки.

Экскурсия изрядно утомила Малькольма. Глядя под бубнеж офицера-провожатого про мегатонны и разделяющиеся боеголовки на длинный серебристый цилиндр, он не испытывал никаких эмоций, за исключением желания вернуться в свой номер в офицерской казарме. День стоял весенний, теплый, со стороны Больших прерий накатывала волна сухого воздуха – со времен поездки на теткину ферму в Канзас, когда ему было пятнадцать, Малькольм уже и забыл, на что это похоже. В носу щипало от запахов поля. Малькольм опасался, что у него начнется аллергия, но жаловаться не стал и вообще почти не задавал вопросов, пока они перелетали на вертолете с площадки на площадку. Последней точкой стала стартовая позиция, где нашли тело Паркинса.

Человек генерала Рота осторожно взял Малькольма под локоть и отвел в сторону от начальника службы безопасности и двух техников, шагавших от вертолета к окружавшей пусковую шахту колючей изгороди.

– Я назначил эту шахту последней, – гордо прошептал он, – чтобы те, кто может узнать о нашей поездке, не сочли ваше посещение этой площадки подозрительным.

– О! – только и вымолвил Малькольм, не нашедшись с ответом.

Капитан, однако, так легко не сдавался:

– Конечно. И если вам вдруг что-то понадобится… ну, вопросы какие-нибудь или особые услуги – не забывайте про старину Ларри Чемберса. Я всегда к вашим услугам. Не забудете?

Малькольм посмотрел на него и улыбнулся:

– Ни за что.

Капитан, ободренный столь очевидным признанием его значимости, радостно улыбнулся в ответ.

Следующие несколько минут Малькольм ходил туда-сюда по площадке, изо всех сил стараясь изобразить понимание того, что делает. Он внимательно осмотрел изгородь, каменистую землю, траву и торчавшие из земли металлические колпаки – все они выглядели абсолютно так, как им полагалось выглядеть. Он нахмурился для солидности и вернулся к старательному капитану Чемберсу.

Остановившись, Малькольм огляделся по сторонам. Пусковая шахта находилась за его спиной, а прямо перед глазами тянулась через поле дорога – не совсем проселочная, но и не шоссе. Так, гравийная, в одну полосу. Вид на дорогу Малькольму открывался самый что ни на есть замечательный – за исключением одного места, которое заслонял стоявший перед ним капитан Чемберс. *Впрочем*, подумал Малькольм, *его можно считать все равно что прозрачным*. Панораму справа от Малкольма заслоняли вертолет и скучающие техники, но вид в ту сторону наверняка ничем не отличается от того, что видно слева: бесконечная, тянущаяся до самого горизонта равнина, перечеркнутая кое-где желтыми и бурыми полосками возделанных полей. Горизонт в том месте, где она наконец сходилась с небом, казался неестественно далеким. Малькольм придвинулся вплотную к капитану Чемберсу.

– Давайте-ка убираться отсюда, – почти не открывая рта, как мог зловеще прошептал он.

Чемберс бросился отдавать распоряжение летчикам. Малькольм, с трудом удерживаясь от смеха, не спеша побрел за ним.

На обратном пути он сел рядом с пилотом и попросил сделать круг над площадкой. Когда вертолет повернулся носом к северу, Малькольм заметил где-то в пяти милях по курсу группу построек.

– Что это? – Ему пришлось перекрикивать рев мотора.

– Что? – крикнул в ответ пилот.

– Вон там. Те дома.

– А, это город. Уайтлэш.

– Так это и есть Уайтлэш? Там же не больше дюжины домов.

Пилот ухмыльнулся и пожал плечами.

– Город, просто маленький. Не всем же быть как Нью-Йорк.

Малькольм улыбнулся в ответ.

– А кто там живет?

– А черт его знает. Думаю, обычные фермеры.

Малькольм кивнул и откинулся на спинку кресла, пытаясь представить себе, что делать, если с пилотом вдруг случится какой-нибудь приступ.

Следующую ночь Малькольм провел в одиночестве, в своей комнатке в офицерской казарме. Разнообразные предложения развлечься он вежливо, но твердо отверг. На следующее утро он взял джип, который выделили для него специальным приказом Министерства обороны, и отправился в расположенный в восьмидесяти пяти милях к северу Шелби, где ему предстояло устроить свой временный штаб.

Шелби – городок небольшой, возникший благодаря появлению железной дороги, развитию в этих краях сельского хозяйства и имевшей место в начале двадцатого века добыче нефти. Благосостояние населения, численность которого не превышала пяти тысяч, зависело преимущественно от сельскохозяйственной деятельности. Единственное событие в его истории, которым гордились жители, – это ставший легендарным поединок боксеров-тяжеловесов, в результате которого город едва не обанкротился. Первый день Малькольм провел, катясь по улице, чтобы лучше узнать местность, и только потом зарегистрировался в мотеле. Город выглядел иначе, чем представлялся по аэрофотоснимкам, с которыми его познакомил Карл, зато и все местные достопримечательности Малькольм нашел легче, чем опасался. Пообедал он в местной придорожной забегаловке, основную клиентуру которой составляли скучающие подростки, явно боявшиеся превысить положенные им дневные дозы калорий. После далеко не диетического обеда Малькольм не спеша прогулялся по тихим улицам, расслабляясь по мере того, как на город спускался вечер. Потом вспомнил фотографии тела Паркинса и тряхнул головой.

– Надолго к нам? – поинтересовалась пожилая женщина за стойкой администратора в мотеле, расположенном в самом центре города. Малькольм решил, что за мотелями у основных магистралей легче вести наблюдение, поскольку строят их, как правило, на открытом месте. У выбранного им мотеля имелось как минимум одно преимущество: Малькольм мог приезжать и уезжать, не опасаясь быть замеченным с большого расстояния.

– Ну, поживу некоторое время, – ответил он. – Социологическое исследование, понимаете ли.

– Тут у нас многие командированные останавливаются, – сообщила администратор, провожая его по коридору.

Малькольм снял номер в основном здании – 16Б, примерно посередине верхнего этажа. Номер ничем не отличался от любого другого: довольно приятная, почти домашняя обстановка, не вычурная, зато более чем предсказуемая. Главным предметом обстановки являлась, несомненно, кровать с ярко-красным, свисавшим до пола покрывалом. От порога ее

отделяло не более шести футов. Половину стены справа занимал неглубокий встроенный шкаф, а посередине оставшейся части стены размещалась дверь в ванную. Большую часть стены напротив входа занимали выходящие на улицу окна. По обе стороны от изголовья стояли тумбочки со встроенными светильниками. Вдоль левой стены располагались, почти не оставляя места для прохода, конторка и маленький письменный стол, хотя Малькольм так и не понял, каким образом за этим столом можно сидеть. Что же касается стены с входной дверью, то большую ее часть занимала стенка шкафа с зеркалом и среднего размера цветным телевизором. Стены собственно номера были окрашены в светло-голубой цвет, ванной – в темно-синий. На левой и правой стенах красовались дешевые репродукции чудовищных пейзажей, выполненных неизвестными художниками. Малькольм оглянулся на дверь. В дополнение к обычному замку она была оснащена еще задвижкой и цепочкой. Ну что ж, уже неплохо.

– Что, сойдет? – спросила женщина.

– Замечательно, – ответил Малькольм, забирая у нее ключ. – Просто замечательно. Вам сейчас заплатить?

– Не, поздно уже, спать охота. Там, дальше по коридору, автомат с попкорном и автомат кофейный и все такое прочее. По городу звонить напрямую, а по межгороду – через коммутатор. Сюда звонки все прямые. Только уж, пожалуйста, не звоните домой сейчас, а то на коммутаторе все одно я, а мне спать охота. Если что, там, дальше по коридору, и телефон-автомат есть. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – отозвался Малькольм и медленно покачал головой, глядя вслед удалявшейся женщине.

Ну что ж, подумал он, *вот я и на месте*. У него ушло около часа на то, чтобы распаковать чемодан и проверить помещение специальным прибором, которым снабдил его Карл. Как и ожидалось, никаких подслушивающих устройств Малькольм не обнаружил. Еще минут десять он потратил на то, чтобы найти хороший, надежный тайник для пистолета, но в конце концов просто сунул его в кейс. *Уж сегодня ко мне вряд ли кто вломится*, подумал он, *а если и вломится, все равно я скорее застрелю себя, а не налетчика.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.